

К УИЛКИ
КОЛЛИНЗ

ЗАКОН
и ЖЕНА

Уилки Коллинз — классик английской литературы и отец детективного романа.

Героиня романа «Закон и жена» юная Валерия, несмотря на сопротивление родственников, выходит замуж за аристократа Юстаса Вудвила. Но семейное счастье неожиданно рушится: Валерия узнает об ужасном прошлом мужа. Юстас обвинялся в убийстве своей первой жены.

Убежденная в его невиновности, любящая женщина отчаянно пытается раскрыть тайну трехлетней давности.

Уилки Коллинз ЗАКОН И ЖЕНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. ОШИБКА НОВОБРАЧНОЙ

«Таким образом в древние времена святые жены, уповая на Господа и повинуюсь мужьям своим, украшали себя добродетелями; Сара повиновалась Аврааму, называя его господином, вы же, как дочери ея, должны следовать по тому же пути».

Промолвив известные слова, которыми заканчивается в англиканской церкви обряд венчания, дядя мой, Старкуатер, закрыл книгу и с нежным участием взглянул на меня из-за решетки алтаря. В то же самое время тетка моя, мистрис¹ Старкуатер, стоявшая рядом со мной, потрепала меня по плечу, говоря:

— Вот ты и замужем, Валерия.

Где были мои мысли? Что стало со мной? Я

¹ Мистрис — уст. то же, что мисс. В англоязычных странах — вежливое обращение к замужней женщине (обычно перед именем, фамилией).

была точно в оцепенении. При словах тетки я вздрогнула и посмотрела на своего мужа. Он был в таком же состоянии, как и я. Нам обоим, по-видимому, одновременно пришла одна и та же мысль. Неужели, против воли его матери, мы стали мужем и женой? Тетка моя, Старкуатер, снова коснулась моего плеча и нетерпеливо прошептала:

— Возьми его руку!

Я исполнила ее приказание.

— Следуй за дядей.

Держа мужа под руку, я пошла за дядей и викарием, принимавшим участие в богослужении.

Оба священнослужителя повели нас в ризницу. Церковь эта находилась в одном из мрачных кварталов Лондона, между Сити и Вест-Эндом. День был пасмурный, воздух тяжелый и сырой. Наша невеселая свадьба вполне гармонировала с печальной местностью и пасмурной погодой. На ней не было ни знакомых, ни друзей нового мужа; его семейство, как я уже говорила выше, не одобряло женитьбы. С моей же стороны были только дядя и тетка. Родителей своих я лишилась давно, друзей имела мало. Старый, преданный приказчик моего доброго отца, Бенджамин, присутствовал на свадьбе в роли посаженного отца. Он знал меня с детства, и, когда я осталась сиротой, он был ко мне добр, как отец.

Нам предстояло исполнить последнюю

церемонию: расписаться в церковной книге. Совсем растерявшись и никем не предупрежденная, я совершила ошибку, которая, по мнению моей тетушки, была дурным предзнаменованием. Я подписалась моей новой фамилией вместо девичьей.

— Как! — воскликнул мой дядя своим громким и веселым голосом. — Ты уже забыла свою девичью фамилию? Хорошо! Хорошо! Дай Бог, чтобы тебе никогда не пришлось раскаиваться, что ты ее переменяла. Расписывайся снова, Валерия, расписывайся снова!

Дрожащей рукой я взяла перо, зачеркнула написанное и поставила довольно неразборчиво свою девичью фамилию: Валерия Бринтон.

Когда пришла очередь моего мужа поставить свою подпись, я с удивлением заметила, что рука его сильно дрожала, и он написал свое имя так неясно, что не делало чести его обычно разборчивому почерку: Юстас Вудвиль.

Тетушка, расписываясь после нас, указывая кончиком пера на мою первую подпись, заметила:

— Дурное начало! И, как говорит муж мой, дай Бог, чтобы никогда не пришлось тебе раскаиваться в том, что ты переменяла свою фамилию!

Даже тогда, в дни неведения и невинности, эта странная вспышка тетушкиного суеверия произвела

на меня неприятное, тяжелое впечатление. Но у меня стало легче на душе, когда мой муж сжал крепко мне руку и вслед за тем раздался задумчивый голос моего дяди, желавший нам счастья. Добрый старик приехал нарочно для венчания из своего прихода, где я жила у него после смерти моих родителей. Тотчас после венчания он должен был уехать домой первым поездом. Прощаясь со мной, он заключил меня в свои могучие объятия и так громко поцеловал, что поцелуй этот, вероятно, достиг слуха праздных зрителей, ожидавших у церковных дверей выхода новобрачных.

— От всей души желаю тебе здоровья и счастья, моя милая, — сказал он. — Ты в таких годах, когда можешь сама выбирать мужа, — не в обиду вам, мистер Вудвиль, ведь мы с вами новые друзья, — и дай Бог, Валерия, чтобы выбор твой оказался удачным. Без тебя дом наш делается скучным и печальным, но я не жалуясь, моя дорогая. Напротив, если эта перемена в твоей жизни принесет тебе счастье, я первый порадуюсь. Полно, полно, не плачь, или твоя тетушка тоже расплачется, а в ее годы этим шутить нельзя. Что же касается тебя, то слезы испортят твою красоту. Посмотри на себя в зеркало, и ты увидишь, что я говорю правду. Прощай, дитя, да благословит тебя Бог!

Он взял тетушку под руку и поспешно вышел из церкви. Как нежно ни любила я мужа, но сердце мое болезненно сжалось, когда удалился единственный друг и покровитель моей юности. Затем последовало прощание со старым Бенджамином.

— Желаю вам всего хорошего, моя дорогая, не забывайте меня! — Вот и все, что он сказал. Но при этих немногих словах все прошлое воскресло передо мною. При жизни отца Бенджамин каждое воскресенье обедал с нами и всегда приносил какой-нибудь подарок для дочери своего хозяина. Я была готова «испортить свою красоту», как выразился дядя, когда подставила щеку для поцелуя и услышала, как он тяжело вздохнул, точно не надеялся на счастье предстоящей мне жизни.

Голос мужа вывел меня из этого состояния, придав моим мыслям более радостное направление.

— Не пора ли нам, Валерия? — спросил он.

Я оставила его у выхода из ризницы и последовала совету дяди, другими словами, я посмотрелась в зеркало, висевшее над камином.

Что же я увидела в нем? Высокую, стройную молодую девушку лет двадцати трех. Но она не привлекла бы на улице внимания прохожих: у нее не было ни модных рыжих волос, ни нежного румянца на щеках. Волосы у нее были черные и уложены не по моде: просто зачесаны со лба (эта

прическа нравилась моему отцу, и я всегда носила ее) и собраны в узел на затылке, как у Венеры Медицейской, но так, что оставляли открытой шею. Цвет лица у нее бледный, и только в минуты волнения румянец выступал на щеках. Глаза были темно-синего цвета, такого темного, что их обыкновенно принимали за черные. Брови, почти правильно очерченные, слишком темные и густые; нос орлиный и немного велик; рот, лучшая часть ее лица, чрезвычайно изящен и отличался способностью принимать разнообразные выражения. Вообще же лицо в нижней части своей было несколько узко и длинно, в верхней же части немного широко и лоб низок. Вся фигура, отражавшаяся в зеркале, представляла женщину довольно изящную, чуть-чуть бледную, скорее, слишком степенную и серьезную в минуты покоя, одним словом, женщину, которая несколько не поражает постороннего наблюдателя при первом взгляде на нее, но при втором, а иногда даже и при третьем взгляде вызывает всеобщее уважение. Что касается ее одежды, то она вовсе не походила на подвенечный наряд. Серый кашемировый тюник, отделанный серой шелковой материей, и такая же юбка, на голове простенькая шляпка с приподнятыми полями, белым рюшем — плиссе и тёмнокрасным розаном как нельзя более соответствовала всему туалету.

Удачно ли описала я отображение, увиденное мною в зеркале, — судить не мне. Я всячески старалась избежать двух видов тщеславия: порицания и восхваления своей собственной особы. Но как бы то ни было, хорошо или дурно вышло описание — слава Богу, оно окончено!

А кого же я увидела рядом с собою в зеркале? Человека меньше меня ростом и казавшегося старше своих лет. На голове его красовалась преждевременная лысина; в темной бороде и длинных усах пробивалась седина. На лице его играл румянец, которого не доставало мне, и вся фигура его дышала решительностью, которой мне тоже не доставало. Его карие глаза, каких я никогда не встречала у мужчин, смотрели на меня нежно и ласково. Улыбка, редко появлявшаяся на его лице, была чрезвычайно приятна. Его обращение, совершенно спокойное и сдержанное, отличалось той тайной силой, которая обаятельно действует на женщин. Он слегка прихрамывал из-за раны, полученной им несколько лет назад, когда он был в Индии на военной службе, и ходил всегда как в доме, так и за его пределами, опираясь на бамбуковую палку со странной ручкой вместо набалдашника (его старой любимицей). Несмотря на этот маленький недостаток (если это действительно недостаток), в нем не было ничего болезненного, дряхлого, неуклюжего. Его легкая

хромота (может быть, на пристрастный взгляд) придавала ему определенную грацию, которая более привлекательна, чем проворная, свободная походка других мужчин. Наконец, и это самое главное, я люблю его. Люблю, люблю! Этим и заканчивается описание моего мужа в день нашей свадьбы. Зеркало поведало все, что мне было нужно.

...Мы вышли из ризницы. Небо, с утра покрытое тучами, заволочло еще больше, пока мы были в церкви, и теперь шел сильный дождь. Зрители, ожидавшие у дверей, мрачно смотрели на нас из-под своих зонтов, когда мы поспешно садились в карету. Ни веселья, ни солнца, ни цветов — ничего не было на нашем пути. Ни парадного завтрака, ни красноречивых тостов, ни подруг, ни благословения родителей на нашей свадьбе. Печальная свадьба, нельзя не сознаться, и дурное начало, как сказала тетушка Старкуатер.

Предварительно у нас было заказано специальное купе в поезде. Услужливый носильщик в ожидании награды спустил шторы на окнах, чтоб оградить нас от любопытных взглядов. Поезд тронулся. Муж обнял меня.

— Наконец-то! — прошептал он, устремив на меня нежный взор и горячо прижимая меня к своей груди. Я обвила руками его шею; глаза наши встретились, и губы слились в первом долгом

поцелуе.

Воспоминания об этом путешествии воскресают передо мною, пока я пишу эти строки; слезы застилают мои глаза, и я на сегодня оставляю перо.

Глава II. МЫСЛИ НОВОБРАЧНОЙ

Не более часа были мы в пути, как в нас обоих постепенно произошла странная перемена. Сидели мы по-прежнему взявшись за руки, голова моя покоилась на его плече, но мало-помалу замолчали. Неужели мы истощили пусть скудный, но красноречивый словарь любви? Или мы по взаимному, но безмолвному соглашению решили после наслаждения страстным разговором испытать еще большее блаженство — страстное безмолвие. Не могу сказать почему это случилось, знаю только, что под каким-то странным влиянием уста наши оставались замкнутыми. Мы ехали погруженные в собственные думы. Думал ли он исключительно обо мне, как я думала о нем? Прежде чем закончилось наше путешествие, я начала в этом сомневаться, а некоторое время спустя была уже уверена, что мысли его были далеко от молодой жены и все они были обращены к самому себе.

Что касается меня, то я испытывала невыразимое наслаждение, сидя подле него и думая

о нем.

Я вспоминала в эту минуту первую встречу с ним близ дома моего дяди... Наша знаменитая, богатая форелями река, сверкая и пенясь, протекала меж крутых берегов. Приближался вечер, солнце садилось за багряными облаками. Одинокий рыболов забрасывал свою удочку в тихой заводи. Молодая девушка (это я) стояла на противоположном берегу и незаметно для него с любопытством ожидала, когда у него затрепещет на удочке форель.

Наступила долгожданная минута: рыба клюнула.

Следуя то по песчаному берегу, то, когда изгибалась река, спускаясь в прозрачную воду и пробираясь по камням, шел рыболов за своей пленницей, поочередно отпуская и натягивая леску, чтобы благополучно вытащить рыбу. Я шла за ним по другой стороне реки, наблюдая борьбу ловкости с хитростью между человеком и рыбой. Я довольно долго прожила с дядей Старкуатером и за это время успела заразиться его восторженной любовью к сельским удовольствиям, а в особенности к рыбной ловле. Внимательно наблюдая за каждым движением незнакомца и не глядя себе под ноги, я шла по самому краю берега и вдруг, оступившись, упала в воду.

Берег был невысок, река неглубока, дно, к

счастью для меня, песчаное. Я только испугалась и вся промокла. Через несколько минут я выбралась из воды, стыдясь своей неловкости. За это время, однако, рыба успела исчезнуть. Рыболов, услышав крик, вырвавшийся у меня при падении, бросил свою удочку и прибежал ко мне на помощь. Так в первый раз мы встретились с ним лицом к лицу: я стояла на берегу, он — в воде. Глаза наши встретились, и я в ту же минуту почувствовала, что и сердца наши соединились. Забыв обо всех, мы молча глядели друг на друга.

Я первая пришла в себя. Что же сказала я ему?

Я объяснила, что не ушиблась, и настоятельно просила его вернуться к своей удочке и, если возможно, попытаться поискать свою рыбу.

Он неохотно оставил меня, но через несколько минут вернулся, конечно без рыбы. Представляя себе, как мой дядя был бы огорчен подобной неудачей, я совершенно искренно просила извинения у незнакомца и во искупление своей вины предложила показать ему место внизу по реке, где отлично ловилась рыба.

Он не хотел и слышать об этом и уговаривал меня идти поскорее домой и переменить платье. Я почти забыла о своем мокром платье, но повиновалась ему, сама не зная почему.

Мы пошли вместе. Дорога в гостиницу проходила мимо дома викария. Незнакомец поведал

мне, что приехал в наши края из-за любви к уединению и к рыбной ловле, что он видел меня из окна своей гостиницы, а также спросил меня, не дочь ли я викария.

Я рассказала ему о себе, рассказала, что викарий был женат на сестре моей матери и что оба они заменили мне родителей после их смерти. Он попросил у меня позволения представиться доктору Старкуатеру на следующий день, заметив при этом, что у них с дядей есть общие друзья. Я пригласила его к нам, будто дом дяди был моим собственным. Я была совершенно очарована его глазами и голосом. До этого я не раз воображала себя влюбленной, но никогда ни к кому не испытывала того, что чувствовала в присутствии этого человека. Когда он ушел, мне показалось, что ночь спустилась вдруг на окружающий ландшафт. Прислонясь к ограде дядюшкиного дома и с трудом переводя дыхание, я не могла собраться с мыслями, сердце билось так сильно, точно хотело выскочить из груди, и все это из-за незнакомца! Я горела от стыда, но, несмотря ни на что, была счастлива!

И вот теперь, едва прошло несколько недель после нашей первой встречи, я сижу рядом с ним, он мой навсегда! Я приподняла голову и посмотрела на него. Я, как ребенок с новой игрушкой, хотела убедиться, точно ли он мой.

Он сидел, не шевелясь, в уголке купе,

погруженный в свои мысли. Но думал ли он обо мне?

Я снова тихонько склонила голову к нему на грудь, стараясь его не потревожить. Мысли мои витали далеко отсюда, и перед глазами возникла другая картина из золотого прошлого.

Передо мной раскинулся пасторский сад. Была ночь. Мы тайком встретились. Бродили то по тенистым аллеям, то по открытому лугу, озаренному лунным светом.

Мы уже давно признались друг другу в любви и обещали посвятить друг другу свою жизнь. Наши интересы слились воедино, радости и горе сделались общими. Я согласилась на это тайное свидание, чтобы успокоить свое сердце, утешить себя его присутствием и почерпнуть мужество в его голосе. Обняв меня, он заметил, что я вздохнула, и, обеспокоенный, повернул меня к свету, чтобы прочесть тревогу на моем лице. Как часто в первые дни нашей любви читал он блаженство в моих чертах!

— У тебя какие-то дурные новости, ангел мой, — сказал он, нежно проводя рукой по моим волосам. — Я вижу на лбу морщинки, которые возвещают тревогу и горе. Я почти желал бы любить тебя не так сильно, как я люблю тебя, Валерия.

— Почему?

— Тогда бы я мог возвратить тебе данное тобою слово. Стоило бы мне уехать отсюда, и дядя твой был бы доволен, и ты освободилась бы от всех гнетущих вас теперь тревог и забот.

— Не говори этого, Юстас! Если ты желаешь, чтобы я забыла все мои тревоги, скажи лучше, что ты любишь меня больше прежнего.

На эти слова он ответил поцелуем. В продолжение нескольких минут мы испытали величайшее в жизни блаженство, забыв все, кроме друг друга и своей любви. Я опомнилась от этого упоения успокоенная и ободренная, готовая перенести многое за подобный поцелуй. Если женщина любит, она не остановится ни перед каким страданием, ни перед каким самоотверженным поступком.

— Что же случилось? Нашли какие-нибудь новые доводы против нашего брака? — спросил он, тихо прохаживаясь взад и вперед.

— Нет, ни дядя, ни тетка ничего более не говорят. Они наконец вспомнили, что я в таких годах и могу сама выбрать себе мужа. Но они очень просили меня отказать тебе, Юстас. Тетка, которую я считала твердой и суровой женщиной, впервые плакала при мне. Мой дядя, всегда добрый и ласковый ко мне, сделался еще добрее, еще ласковее. Он сказал мне, что, если я буду настаивать на этой свадьбе, он меня не оставит и

будет на ней присутствовать, мало того, он хочет даже сам совершать богослужение, и тетка моя проводит меня в церковь. Но он умолял меня обдумать это дело серьезнее, согласиться на временную разлуку с тобой, посоветоваться с другими, если я не хочу прислушаться к его мнению. О, мой дорогой, им так хочется разлучить нас, как будто ты самый дурной человек, а не лучший из всех.

— Не случилось ли со вчерашнего дня чего-либо такого, что усилило их недоверие ко мне? — с тревогой спросил он.

— Да.

— Что же это такое?

— Ты помнишь, дядя говорил с тобой о вашем общем друге?

— Да. О майоре Фиц-Дэвиде.

— Дядя написал майору.

— Зачем?

Он произнес это слово таким неестественным тоном, что голос его прозвучал для меня словно чужой.

— А ты не будешь сердиться, если я скажу тебе это? — спросила я. — У дяди, как я поняла его, были разные причины, чтобы написать майору, и между прочим он попросил у него адрес твоей матери.

Юстас вдруг остановился. Я умолкла,

сознавая, что, продолжая, могу оскорбить его.

По правде говоря, его поведение после того, как было объявлено моему дяде о нашей помолвке, могло показаться легкомысленным и странным (по крайней мере, несообразным с приличиями). Пастор, конечно, расспрашивал его о семействе. Он отвечал, что отец его умер, и очень неохотно согласился уведомить свою мать о предполагаемом браке. Объявив нам, что она живет в провинции, он не дал нам более подробного ее адреса и отправился к ней сам. Через два дня он вернулся со странным известием. Мать его не имела ничего против меня и моих родственников, но она так решительно не одобряла брака своего сына (и все члены ее семейства были заодно с нею) с племянницей пастора Старкуатера, что отказывалась присутствовать на свадьбе, если мистер Вудвиль, несмотря ни на что, захочет настоять на своем. Когда Юстаса просили растолковать это необычайное известие, он сказал, что его мать и сестры имели для него в виду другую невесту и что они были оскорблены и разочарованы, когда узнали, что он помимо их желания остановил свой выбор на другой девушке. Этим объяснением я вполне была удовлетворена, тем более что таким образом признавалось мое влияние на Юстаса, что женщинам весьма приятно. Но дядя и тетка не успокоились. Пастор объявил

мистеру Вудвиллю, что он намеревается писать его матери или повидаться с ней, чтобы узнать причину такого странного поведения. Юстас положительно не хотел дать ее адрес, говоря, что вмешательство пастора будет совершенно бесполезно. Дядя решил, что в этом заключается какая-то тайна и что дело здесь неладно. Он отказал мистеру Вудвиллю в согласии на наш брак и в тот же день написал майору Фиц-Дэвиду, на которого ссылался и Юстас.

Говорить о побудительных причинах письма дяди было очень неудобно, но Юстас вывел меня из затруднительного положения, задав вопрос, на который мне легко было ответить.

— Получил ли твой дядя ответ от майора Фиц-Дэвида?

— Да.

— Тебе позволили прочитать его? — Его голос дрогнул, когда он произносил эти слова; на лице его отразилось беспокойство, которое тяжело было видеть.

— Я принесла с собой ответ, чтобы показать его тебе, — сказала я.

Он почти вырвал у меня письмо и, отвернувшись, прочитал его при свете месяца. Письмо было коротко, и на его чтение потребовалось немного времени. Я знала наизусть, могу и теперь повторить его:

«Любезный пастор!

Мистер Юстас Вудвиль совершенно справедливо сообщил вам, что по рождению и по положению своему в свете он джентльмен и что по завещанию своего отца наследует хорошее состояние, с которого будет получать до 2000 в год.

*Всегда ваш ЛОРЕНЦ
ФИЦ-ДЭВИД».*

— Кажется, невозможно желать ответа более определенного, — сказал Юстас, возвращая мне письмо.

— Если бы я справлялась о тебе, — отвечала я, — мне было бы достаточно такого ответа.

— А разве дяде недостаточно?

— Нет.

— Что же он говорит?

— Зачем тебе это знать, мой дорогой?

— Я хочу все знать, Валерия. Между нами по этому поводу не должно быть никаких секретов. Сказал что-нибудь дядя, показывая тебе письмо майора?

— Да.

— Что именно?

— Дядя сказал, что его письмо к майору было

на трех страницах, а ответ заключается в немногих строках. «Я писал, — прибавил он, — что могу приехать к нему, чтобы переговорить подробно об этом деле, а он ничего не упоминает об этом предложении. Я спрашивал у него адрес мистрис Вудвиль; он обратил столько же внимания на мою просьбу, как и на предложение. Он ограничился кратким изложением голых фактов. Обратись к своему здравому смыслу, Валерия. Неужели не имеет никакого значения такое странное поведение со стороны джентльмена по рождению и воспитанию, и к тому же моего друга?» Тут Юстас прервал меня:

— Что ты ответила на вопрос дяди?

— Я сказала только, что не понимаю поведения майора.

— И что же ответил дядя на это? Если ты меня любишь, Валерия, ты скажешь мне всю правду.

— Он горячился, Юстас. Он старик, и тебе не следует обижаться.

— Я не обижаюсь. Так что же он говорил?

— Он сказал: «Попомни мои слова! Здесь скрывается какая-то тайна, касающаяся мистера Вудвиля или его семейства, и майор Фиц-Дэвид не считает себя вправе открыть ее. На самом же деле это письмо не что иное, как предостережение. Покажи его мистеру Вудвиллю и передай ему, если

желаешь, слова мои...»

Юстас опять не дал мне договорить.

— Ты уверена, что дядя сказал именно эти слова? — спросил он, внимательно рассматривая меня при свете месяца.

— Совершенно уверена. Но не думай, пожалуйста, что и я того же мнения.

Он вдруг крепко прижал меня к своей груди и пристально посмотрел мне в глаза. От этого взгляда мне стало как-то страшно.

— Прощай, Валерия, — сказал он. — Не поминай меня лихом, когда выйдешь замуж за человека более счастливого.

Он хотел удалиться, но я вцепилась в него, дрожа с головы до ног.

— Что это значит? — спросила я, едва овладев собою. — Я твоя и, кроме тебя, никогда никому не буду принадлежать. Что я сказала, что сделала, чтобы заслужить эти жестокие слова?

— Мы должны расстаться, ангел мой, — сказал он грустно. — В этом виновата не ты, а злосчастная судьба. Дорогая Валерия! Как можешь ты выйти замуж за человека, которому не доверяют твои близкие и друзья? Я до сих пор вел печальную, одинокую жизнь. Я не встречал ни в одной женщине такой симпатии и утешения, какие нашел в тебе. Тяжело лишиться тебя! Тяжело вернуться к прежней печальной жизни! Но я должен принести

эту жертву ради тебя! Ради любви моей к тебе! Я не более твоего понимаю это письмо! Но разве твой дядя поверит мне? Разве поверят твои друзья? Поцелуй меня еще раз, Валерия. Прости, что я так страстно, так преданно тебя любил. Прости меня и отпусти!

Я с отчаянием, изо всех сил держала его. Взгляд его выводил меня из себя, слова сводили с ума.

— Иди куда хочешь, — сказала я, — я пойду за тобой! Друзья, репутация! Мне нет до них никакого дела. О, Юстас, я женщина, не своди меня с ума! Я не могу жить без тебя. Я должна и хочу быть твоей женой.

Едва произнесла я эти безумные слова, как разразилась истерическими слезами.

Он уступил. Своим обворожительным голосом он утешил меня, а нежными ласками окончательно привел в чувство. Он призывал небо в свидетели, что посвятит мне всю свою жизнь, торжественно, в самых красноречивых выражениях клялся, что днем и ночью будет думать только о том, чтобы стать достойным моей любви. И как благородно исполнил он свою клятву! Обручение наше в эту памятную ночь было подтверждено венчанием перед алтарем Всевышнего.

Господи! Какая жизнь была передо мною! Может ли быть на земле большее блаженство?

Я опять подняла голову с груди его, чтобы с наслаждением убедиться, что он подле меня, он, моя жизнь, моя любовь, мой собственный муж!

Не вполне отделяя поглотившие меня воспоминания от сладкой действительности, я припала щекой к его щеке и нежно сказала:

— О, как я люблю тебя! Как я люблю тебя!

В следующую минуту я быстро отстранилась от него. Сердце у меня перестало биться. Я поднесла руку к своему лицу, и что же я почувствовала на щеке? (Я не плакала, я была слишком счастлива.) Слезы!

Он сидел, отвернувшись от меня. Я схватила его за голову и насильно повернула к себе лицом.

Я взглянула на него и увидела, что у моего мужа в день свадьбы глаза были полны слез.

Глава III. РАМСГИТСКИЙ БЕРЕГ

Юстасу удалось унять мою тревогу, но рассудок мой был далеко не удовлетворен.

Юстас сказал мне, что думал в эту минуту о контрасте между его прежней и настоящей жизнью. Горькие воспоминания пробудили в нем мрачное сомнение: сумеет ли он сделать мою жизнь счастливой. Он спрашивал себя, не слишком ли поздно он меня встретил, не слишком ли он разбит и надломлен всеми бурями и невзгодами прошлой

своей жизни? Подобные сомнения, все более и более овладевая его душой, наполнили глаза его слезами, которые я вдруг заметила, и теперь он умолял меня во имя моей любви к нему забыть его навсегда.

Я простила его, утешила, оживила его, но были минуты, когда воспоминание об этих слезах втайне волновало меня, и я невольно спрашивала себя, действительно ли муж мой так же откровенен со мною, как я с ним.

Мы приехали в Рамсгит.

Эти минеральные воды были любимым местом отдыха, но теперь сезон купаний закончился, и местечко было пусто. В программу нашего путешествия входила поездка по Средиземному морю на яхте, которую одолжил Юстасу один из его друзей. Мы оба очень любили море и сильно желали на некоторое время избежать общества наших друзей и знакомых. Поэтому мы, самым скромным образом обвенчавшись в Лондоне, известили капитана яхты, чтобы он прибыл в Рамсгит. Из этого порта (так как сезон был окончен и отдыхающие разъехались) мы могли, не привлекая к себе ничьего внимания, отправиться в море, на что нельзя было надеяться на обычной стоянке яхт на острове Уайт.

Прошло три дня чудного уединения и полнейшего счастья, которое никогда не

повторится и которое невозможно забыть до конца жизни!

Рано утром четвертого дня случилось ничтожное обстоятельство, поразившее меня своей неожиданностью.

Я вдруг пробудилась от глубокого сна (чего обыкновенно со мной не бывало) с чувством какого-то нервного беспокойства, прежде мне не знакомого. В прежние времена, в доме пастора, моя способность спать непробудным сном служила предметом шуток: едва голова моя касалась подушки, как я засыпала и просыпалась лишь тогда, когда горничная начинала стучать ко мне в дверь. В любое время и при любых обстоятельствах я, обыкновенно наслаждалась безмятежным сном ребенка.

А теперь я без всякой видимой причины проснулась несколькими часами раньше обычного. Я старалась снова заснуть, но тщетно. Мною овладело какое-то беспокойство, и мне не лежалось в постели. Муж крепко спал. Чтобы не потревожить его, я тихонько встала и надела утренний капот и туфли.

Я подошла к окну. Солнце только что показалось из-за гладкой поверхности моря. Вскоре величественное зрелище, раскинувшееся перед моими глазами, несколько успокоило мои напряженные нервы, но ненадолго, тревожное

состояние вновь овладело мной. Я стала ходить по комнате взад и вперед, но это монотонное движение скоро наскучило мне. Я взяла книгу и села, но никак не могла сосредоточить своего внимания, ибо автор не был в состоянии привлечь мои мысли к своему произведению. Я снова встала, подошла к Юстасу и стала любоваться им; мне казалось, что я никогда так не любила его, как во время этого безмятежного сна. Потом я опять вернулась к окну, но прекрасное утро уже не представляло для меня никакой прелести. Я села перед зеркалом и стала смотреться в него. Какой истомленный и измученный вид был у меня оттого, что я встала раньше обычного. Опять поднялась я с места, не зная, что делать. Заключение в этих четырех стеках становилось невыносимо. Я отворила дверь и пошла в уборную мужа, полагая, что перемена места хорошо на меня подействует.

Первый предмет, бросившийся мне в глаза, был открытый несессер на туалетном столике.

Из одного его отделения я вынула флакончики, баночки, щеточки, гребешки, ножики и ножницы, из другого — письменные принадлежности. Я понюхала духи и помаду, вытерла носовым платком флакончик. Мало-помалу я выбрала из несессера все, что в нем находилось. Изнутри он был отделан голубым бархатом. В одном уголке я заметила узенькую голубую

тесемочку. Дернув за нее, я приподняла дно и обнаружила, что оно фальшивое и под ним находится тайник для писем и бумаг. При моем странном настроении, капризном, пытливом и, так сказать, инквизиционном, я испытывала наслаждение, перебирая бумаги и вещи.

Тут были уплаченные счета, вовсе меня не интересовавшие, письма, которые я отложила в сторону, конечно не читав их, но только взглянув на адреса, и наконец, в самом низу, фотографическая карточка, положенная лицом вниз. На обратной стороне ее была надпись, которую я прочитала: «Моему дорогому сыну Юстасу».

Его мать, женщина, которая так упорно, немилосердно противилась нашему браку!

Я поспешно перевернула фотографию, ожидая увидеть женщину суровую, злую, отвратительной наружности. К моему величайшему удивлению, на этом лице можно было обнаружить остатки былой красоты, а выражение, хотя и решительное, было привлекательное, доброе, нежное. Седые волосы спускались старомодными буклями из-под кружевного чепчика и обрамляли ее лицо. Около уголка рта было родимое пятнышко, придававшее лицу характерную особенность. Я долго и пристально всматривалась в портрет. Эта женщина, оскорбившая меня и моих родных, была, бесспорно,

(насколько можно судить по наружности) чрезвычайно привлекательной личностью, и знакомство с ней, вероятно, было бы для многих честью и удовольствием.

Я впала в глубокую задумчивость. Открытие фотографической карточки значительно успокоило меня.

Бой часов напомнил мне, что времени прошло уже много. Я старательно положила в несессер все вещи, начиная с фотографии, в том же порядке, в каком я нашла их, и вернулась в спальню. Увидев мужа, по-прежнему спавшего, я невольно спросила себя: почему его добрая, милая мать так настойчиво хотела разлучить нас? Так сурово и безжалостно противилась нашему браку?

Обращусь ли я с этим вопросом к Юстасу, когда он проснется? Нет, я боялась вдаваться в такие подробности. Между нами было безмолвно решено не говорить о его матери, и к тому же он может рассердиться, узнав, что я открыла тайник его несессера.

В это самое утро, после завтрака, мы получили известие с яхты. Она благополучно прибыла в гавань, и капитан ожидал распоряжений моего мужа.

Юстас не решился взять меня с собой на яхту. Ему нужно было хорошенько осмотреть ее и

уладить некоторые вопросы, вовсе не интересные женщине: позаботиться о морской карте, компасе, провизии и воде. Он просил меня дожидаться дома его возвращения.

Погода была великолепная, на море начинался отлив. Мне захотелось прогуляться по берегу, и хозяйка гостиницы, в которой мы остановились, предложила проводить меня. Мы договорились пойти по направлению к Бродстерсу, а Юстас, окончив свои дела, должен был присоединиться к нам.

Полчаса спустя мы с хозяйкой были уже на взморье.

Зрелище, представившееся нам в это прекрасное осеннее утро, было прелестно. Легкий ветерок, светло-лазурное небо, волнующееся синее море, береговые утесы и песок, блестящий под солнечными лучами, длинная вереница кораблей, движущихся по Английскому каналу,² — все это было так красиво, так очаровательно, что, будь я одна, так, кажется, и запрыгала бы, как ребенок, от удовольствия. Единственной помехой моему наслаждению была непрерывная болтовня моей хозяйки. Это была добрая, услужливая, но глупая

² Английский канал — пролив между Англией и Францией более известный как Ла-Манш.

женщина, которая говорила, не обращая внимания на то, что я ее не слушаю. Она чуть не к каждому слову прибавляла: «мистрис Вудвиль», что я находила неприличной фамильярностью от лица, которое по своему положению в свете стояло гораздо ниже меня.

Уж полчаса гуляли мы по берегу, когда поравнялись с какой-то дамой.

В ту минуту, когда мы догнали ее, она вынимала из кармана платок и выронила письмо, не заметив этого. Я подняла письмо и подала его незнакомке.

Когда она обернулась поблагодарить меня, я остолбенела. Это был оригинал фотографической карточки, найденной мною в несессере мужа! Мать моего мужа стояла передо мной! Я узнала седые локоны, доброе привлекательное выражение лица, родимое пятнышко у уголка рта. Невозможно было ошибиться: это была его мать!

Старая леди весьма естественно приняла мое смущение за застенчивость, с большим тактом и очень любезно вступила она со мною в разговор. Несколько минут спустя я шла рядом с женщиной, которая никак не хотела принять меня в свое семейство. Я была страшно взволнована, не зная, должна или не должна я взять на себя ответственность и в отсутствие мужа открыть ей, кто я.

Моя словоохотливая хозяйка, шедшая по другую сторону моей свекрови, решила вопрос за меня. Я вскользь произнесла, что мы скоро достигнем цели нашей прогулки — местечка Бродстерс.

— О нет, мистрис Вудвиль, — вскричала эта болтунья, — не так скоро, как вы думаете.

Я с замиранием сердца взглянула на пожилую леди. К величайшему моему удивлению, я не заметила никакой перемены в ее лице. Старшая мистрис Вудвиль продолжала разговаривать с молодой мистрис Вудвиль так спокойно, точно она никогда в жизни не слышала своей фамилии.

В моем лице и вообще в манерах, должно быть, обнаружили замешательство и волнение. Случайно взглянув на меня при последних словах, пожилая леди остановилась и сказала своим мягким голосом:

— Я боюсь, что вы устали. Вы очень бледны, и вид у вас такой утомленный. Присядьте здесь, я вам дам понюхать нашатырного спирта.

Я, совершенно обессиленная, последовала за нею к скале. Здесь мы присели на камни. Я смутно слышала выражения сочувствия и сожаления, без умолку изливавшиеся из уст моей хозяйки. Я машинально взяла флакончик с нашатырным спиртом из рук моей свекрови, которая слышала мое имя, но продолжала обращаться со мной как с

посторонней.

Если бы я думала только о себе, я бы, конечно, не выдержала и тотчас же начала бы объясняться, но я думала о Юстасе. Я не знала, в дружеских или неприязненных отношениях был он со своей матерью. Что мне было делать?

Между тем пожилая леди продолжала разговаривать со мной с добродушным сочувствием. Она тоже очень устала, говорила она, проведя дурную ночь у постели больной родственницы, живущей в Рамсгите. Накануне она получила телеграмму, извещавшую ее, что сестра ее очень больна. Сама же она, благодаря Богу, здорова и крепка, а потому немедленно отправилась в Рамсгит. К утру состояние больной улучшилось. «Доктор уверил меня, — продолжала она, — что теперь нет никакой опасности, и я подумала, что не мешает мне несколько освежиться после бессонной ночи, и отправилась прогуляться по взморью».

Я слышала ее слова, понимала их, но была слишком взволнована и смущена своим странным положением, чтобы продолжать разговор. Хозяйка выручила меня, заговорив первой.

— Вон идет какой-то джентльмен, — сказала она, обращаясь ко мне и указывая по направлению к Рамсгиту. — Вы не сможете возвратиться пешком. Не попросить ли его, чтобы он прислал нам из Бродстерса экипаж?

Джентльмен подошел ближе.

И я, и хозяйка в ту же минуту узнали в нем Юстаса, шедшего к нам навстречу, как было между нами условлено. Хозяйка воскликнула в восторге:

— Вот счастье-то, мистрис Вудвиль! Это ведь сам мистер Вудвиль!

Я тотчас же взглянула на свою свекровь, но и на этот раз эта фамилия не произвела на нее никакого впечатления. Ее зрение не было таким хорошим, как наше: она еще не узнала своего сына. Он же сразу заметил свою мать. В ту же минуту он остановился, как пораженный громом. Потом он подошел к ней; лицо его было бледно как смерть, глаза устремлены на мать.

— Вы здесь? — спросил он.

— Как поживаешь, Юстас? — спокойно отвечала она. — Ты тоже слышал о болезни тетки? Разве ты знал, что она живет в Рамсгите?

Он не отвечал. Хозяйка из услышанных ею слов сообразила, в чем дело, и с таким удивлением молча смотрела то на меня, то на мою свекровь, словно у нее отнялся язык. Я же, не спуская глаз с мужа, ждала, как он поступит. Если бы он еще минуту замедлил признать меня, вся последующая моя жизнь, может быть, изменилась бы; я стала бы презирать его.

Но он не мешкал. Он подошел ко мне и взял меня за руку.

— Вы знаете, кто это? — спросил он свою мать.

Взглянув на меня и любезно кивнув головой, она отвечала:

— Эту даму, Юстас, я встретила на берегу; я выронила письмо, а она любезно возвратила его мне. Фамилию ее, кажется, слышала, — она обернулась к хозяйке, — мистрис Вудвиль, если не ошибаюсь.

Пальцы моего мужа бессознательно до того крепко сжали мою руку, что мне стало очень больно. Он тотчас же, нисколько не колеблясь, совершенно спокойно сказал матери:

— Матушка, это моя жена.

До сих пор она продолжала сидеть, но тут немедленно встала и молча посмотрела на меня. Выражение удивления исчезло с ее лица. Взгляд ее выразил страшное негодование и презрение. Никогда ничего подобного не видела я в глазах женщины.

— Мне жаль твою жену, — сказала она.

С этими словами она повернулась, сделав рукою жест, которым как бы запрещала ему следовать за собой, и пошла от нас прочь.

Глава IV. ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Оставшись одни, мы несколько минут

молчали. Юстас заговорил первый.

— Ты можешь вернуться пешком? — спросил он. — Или не пойти ли нам в Бродстерс и оттуда отправиться по железной дороге в Рамсгит?

Он задал эти вопросы так спокойно, точно не случилось ничего необыкновенного. Но его глаза и губы выдавали его.

Я понимала, что он сильно страдал. Странная сцена, только что разыгравшаяся передо мной, не только не лишила меня последнего мужества, но, напротив, укрепила мои нервы и возвратила мне самообладание. Я не была бы женщиной, если бы мое достоинство не было оскорблено необычным поведением моей свекрови, когда Юстас представил меня ей, и не возбудило в высшей степени моего любопытства. Что значило ее презрение к нему и жалость ко мне? Чем объяснить ее равнодушие при двукратном повторении моей фамилии? Почему ушла она так быстро, точно ей была ужасна сама мысль оставаться в нашем обществе? Главной целью моей жизни становилась теперь разгадка этой тайны. Могу ли я идти пешком? Я была в таком лихорадочном ожидании, что могла бы дойти до конца света, лишь бы муж шел рядом со мной и я могла бы дорогой добиться от него разрешения занимавших меня вопросов.

— Я полностью оправилась, — ответила я. — Пойдем пешком.

Юстас взглянул на хозяйку. Та тотчас же поняла его.

— Я не буду беспокоить вас своим обществом, — резко сказала она. — У меня есть дела в Бродстерсе, а так как мы теперь находимся недалеко от него, то я и воспользуюсь случаем. Честь имею кланяться, мистрис Вудвиль.

Она сделала особенное ударение на моей фамилии и при этом как-то многозначительно посмотрела на меня, чего я при своей озабоченности не совсем поняла. Но теперь было не время спрашивать у нее объяснения. Слегка поклонившись Юстасу, она оставила нас и, так же как его мать, направилась к Бродстерсу.

Наконец-то мы остались совершенно одни. Я, не теряя времени, принялась за расспросы; без всяких предисловий я прямо обратилась к нему:

— Как объяснить поведение твоей матери?

Вместо ответа он вдруг захохотал, громко, резко, неприятно; никогда не слыхала я подобного звука из его уст; смех этот так мало соответствовал его характеру, то есть тому, как я понимала его, что я как вкопанная остановилась на берегу и искренне рассердилась.

— Юстас, ты не похож на себя! — воскликнула я. — Ты меня пугаешь!

Он не обратил на меня внимания; он, казалось, был поглощен своими мыслями,

проносившимися у него в голове, и продолжал хохотать.

— Это так похоже на мою мать! — вскричал он наконец, как бы невольно поддаваясь своим веселым мыслям. — Расскажи мне, Валерия, все, что было между вами.

— Рассказать тебе? — повторила я. — После всего случившегося, я полагаю, твой долг объяснить мне ее поведение.

— Ты не видишь в этом ничего смешного? — спросил он.

— Не только не вижу тут ничего смешного, но в словах твоей матери и ее обращении есть нечто такое, что дает мне право требовать у тебя серьезного объяснения.

— Милая моя Валерия, если бы ты знала мою мать так же хорошо, как знаю ее я, то тебе и в голову бы не пришло требовать у меня серьезного объяснения. Смешно относиться к моей матери серьезно. — Он снова расхохотался. — Милая моя, ты не можешь себе представить, как ты меня забавляешь.

Все в нем было натянуто, неестественно. Он, самый деликатный и самый изящный из людей, джентльмен в полном смысле этого слова, был теперь груб, резок, вульгарен. Мое сердце дрогнуло от внезапного предчувствия; несмотря на всю мою любовь к нему, я не могла устоять против него и с

невыносимой тоской и тревогой спросила себя: неужели мой муж обманул меня? Неужели он разыгрывает передо мной ей комедию, и разыгрывает ее очень плохо, через несколько дней после свадьбы?

Я решила другим путем добиться его доверия. Он, очевидно, хотел заставить меня отнестись к этому делу с его точки зрения. Я согласилась исполнить его желание.

— Ты говоришь мне, что я не знаю твоей матери, — сказала я кротко. — Так помоги же мне узнать ее.

— Нелегко помочь тебе узнать женщину, которая сама себя не понимает, — отвечал он. — Но я попытаюсь. Лучшим ключом к объяснению характера моей матери может послужить слово «эксцентричность».

Невозможно было подобрать слова, менее подходящего к старой леди, встреченной мною на взморье. Ребенок, который видел бы, что я видела, и слышал бы, что я слышала, и тот понял бы, что от него самым грубым, самым безобразным образом хотят скрыть истину.

— Запомни мои слова, — продолжал он, — и если ты желаешь узнать мою мать, то исполни мою просьбу! Расскажи мне все, что было. Почему пришлось тебе заговорить с ней? С чего ты начала?

— Твоя мать все сама рассказала тебе, Юстас.

Я шла сзади нее, когда она нечаянно уронила письмо.

— Не нечаянно, — прервал он. — Это письмо должно было послужить предлогом.

— Невозможно! — удивилась я. — Зачем надо было твоей матери нарочно ронять письмо.

— Вспомни, что мать моя эксцентрична. Мать сделала это для того, чтобы познакомиться с тобой.

— Чтобы познакомиться со мной? Я уже говорила тебе, что шла сзади. Она и не знала о моем существовании, пока я с ней не заговорила.

— Ты так думаешь, Валерия?

— Я в том уверена.

— Извини, ты не знаешь моей матери так, как я.

Я начинала терять терпение.

— Не хочешь ли ты меня уверить, — спросила я, — что твоя мать нарочно вышла на взморье, для того чтобы познакомиться со мной?

— Я в том нимало не сомневаюсь, — холодно отвечал он.

— Почему же она не признала моей фамилии? — вскричала я. — Два раза хозяйка называла меня «мистрис Вудвиль» при твоей матери, и я честным словом могу тебя заверить, что это имя не производило на нее ни малейшего впечатления. Она смотрела на меня и держала себя со мной так, будто она ни разу в жизни не слышала

этого имени.

— Это все была комедия, — сказал он по-прежнему спокойно. — Не только на сцене умеют женщины играть комедию. Моя мать хотела хорошенько познакомиться с тобой и изучить твой характер в разговоре с незнакомкой. Это так походит на нее! Удовлетворить свое любопытство относительно невестки, которой она не желала! Если бы я не пришел так скоро, то ты подверглась бы допросу, и самому строгому, как о себе, так и обо мне, и ты наивно отвечала бы ей, полагая, что говоришь со случайной знакомой. Этим вполне обрисовывается моя мать! Она твой враг, помни это, враг, а не друг. Она ищет в тебе не достоинства, а недостатки. А ты удивляешься, что твоя фамилия, дважды при ней произнесенная, не произвела на нее никакого впечатления! Бедное, невинное создание! Я только могу сказать, что ты увидела мою мать в настоящем свете в ту минуту, когда я, представив тебя ей, положил конец этой мистификации. Ты видела, как она рассердилась, и теперь ты понимаешь, почему.

Я не прерывала его речи; я молча слушала, но как тяжело было у меня на сердце. Мною овладевало ужасное чувство разочарования и отчаяния! Предмет моего обожания, товарищ, руководитель, покровитель моей жизни пал так низко! Дозволил себе такую гнусную ложь!

Было ли хоть слово истины во всем, что он говорил мне? Если бы я не увидела утром фотографии, то, конечно, не только не узнала бы, но и не подозревала бы, что повстречавшаяся мне старая леди — его мать. Все, что он сказал, была ложь, и единственное, что говорило в его пользу, это то, что ложь была грубая и неискusstная; было видно, что он не привык лгать. Боже милостивый! Если верить словам мужа, то мать его, значит, следила за нами в Лондоне, в церкви, на железной дороге, до самого Рамсгита. Если допустить, что она знала, что я жена Юстаса, и нарочно уронила письмо, чтобы познакомиться со мною, нужно было допустить как факт чудовищную невероятность.

Я не могла больше вымолвить ни слова. Я молча шла подле него, мучительно сознавая, что между мною и моим мужем разверзлась бездна в виде семейной тайны. Если не в действительности, то мысленно мы с ним разлучены после четырех дней брачной жизни.

— Ты ничего не хочешь сказать мне, Валерия? — спросил он.

— Нет.

— Тебя не удовлетворило мое объяснение?

Я уловила легкое дрожание в голосе, когда он произносил эти слова, и в первый раз в течение этого разговора услышала хорошо знакомый мне его тон. Среди сотни тысяч различных способов

влияния мужчины на любящую его женщину, по-моему, один из самых сильных — это голос. Я не из тех женщин, у которых от малейшей безделицы появляются слезы, это не в моем характере. Но когда я услышала этот естественный тон, в моих мыслях (я не могу сказать почему) вдруг воскрес счастливый день, когда я осознала, что люблю его. Я залилась слезами.

Он вдруг остановился и схватил меня за руку, стараясь заглянуть мне в глаза.

Я опустила голову и глядела в землю. Мне стало стыдно своей слабости. Я решила не смотреть на него.

Наступило молчание; вдруг он опустился передо мною на колени и вскричал с таким отчаянием, которое, как ножом, резануло меня по сердцу:

— Валерия! Я низкий, подлый, я недостойн тебя. Не верь ни слову из всего мною сказанного; все ложь, ложь, гадкая, гнусная ложь! Ты не знаешь, через что я прошел, что я выстрадал! О, моя дорогая, не презирай меня! Я был вне себя, когда говорил все это. У тебя был такой оскорбленный, обиженный вид; я не знал, что делать. Я хотел сгладить эту, хотя бы минутную, неприятность, хотел уничтожить ее. Ради самого Бога, не спрашивай меня больше ни о чем. Моя любовь, мой ангел, не думай о том, что происходит

между мною и матерью, тут ничего такого нет, что могло бы тревожить меня. Я люблю тебя! Я весь твой. Удовольствуйся этим. Забудь случившееся. Ты больше не увидишь моей матери. Мы завтра же уедем отсюда. Не все ли равно, где мы будем жить, лишь бы жили друг для друга! Прости и забудь! О, Валерия, Валерия, прости и забудь!

Страшное страдание выразалось на его лице, слышалось в голосе. Помните это и помните, что я его любила.

— Нелегко забыть, — сказала я грустно. — Но ради тебя, Юстас, я постараюсь забыть.

Я ласково подняла его, произнося эти слова. Он целовал мои руки с видом человека, который не смеет позволить более фамильярной ласки для выражения своей благодарности. Чувство неловкости, испытываемое нами, когда мы продолжали нашу дорогу к дому, было так невыносимо, что я ломала себе голову, придумывая какой-нибудь предмет для разговора, точно я шла в обществе постороннего человека. Наконец из сострадания к нему я спросила его, как он нашел яхту.

Он ухватился за этот предмет, как утопающий хватается за протянутую ему руку.

По поводу этой несчастной яхты он говорил, говорил, точно жизнь его зависела от того, чтобы ни на минуту не замолчать до самого дома. Мне

страшно было его слушать. Я могла судить, как он страдал, по дикой, неестественной говорливости, совершенно противоречившей натуре, взглядам и привычкам этого обыкновенно молчаливого и серьезного человека. С трудом сохраняла я самообладание, но, как только дошла до дверей нашей квартиры, сейчас же заявила, что очень устала и хочу на некоторое время остаться одна в своей комнате.

— Отправимся мы завтра в море? — вдруг спросил он, когда я поднималась по лестнице.

Ехать с ним завтра в Средиземное море. Остаться с ним наедине в продолжение нескольких недель в тесной каюте со страшной тайной, которая с каждым днем более и более будет отдалять нас друг от друга. Я содрогнулась при этой мысли.

— Завтра слишком скоро, — сказала я. — Дай мне немного времени подготовиться к путешествию.

— Сколько тебе угодно, — отвечал он с видимой неохотой. (По крайней мере, мне так показалось). — Пока ты отдыхаешь, я опять вернусь на яхту, там нужно кое-что устроить. Не надо ли тебе чего, Валерия?

— Ничего; благодарю, Юстас.

Он поспешно направился к пристани. Боялся ли он своих мыслей, оставаясь один дома?

Общество капитана и матросов не казалось ли ему лучше одиночества?

Бесполезно было задавать себе эти вопросы. Что знала я о нем или о его мыслях? Я заперлась в своей комнате.

Глава V. ОТКРЫТИЕ ХОЗЯЙКИ ДОМА

Я села и старалась собраться с мыслями. Теперь или никогда надо было решить, к чему обязывает меня долг мой в отношении мужа и самой себя.

Но это усилие оказалось свыше моих сил. Измученная душой и телом, я была совершенно не способна к правильному размышлению. Я смутно сознавала, что если я не выясню истинного положения дел, то мне никогда впоследствии не разогнать мрака, покрывавшего мою так счастливо начатую семейную жизнь. Мы могли жить вместе для сохранения приличий, но забыть случившееся или удовлетвориться моим положением было для меня невозможно. Мое спокойствие как женщины и, может быть, самые дорогие интересы как жены вполне зависели от объяснения таинственного поведения моей свекрови и открытия подлинного смысла, скрывавшегося в диких словах раскаяния и самобичевания, сказанных мужем по дороге.

Мои мысли остановились на осознании

настоящего моего положения и не шли далее. Когда я спрашивала себя, что должна я делать, безнадежное смущение и безумное сомнение овладевали моей душой, и я становилась самой жалкой, самой беспомощной женщиной на свете. Я отказалась от борьбы. В тупом, бессмысленном отчаянии бросилась я на постель и от изнеможения скоро впала в тяжелый сон. Меня пробудил стук в дверь.

Неужели это мой муж! При этой мысли я быстро вскочила. Не предстоит ли моему терпению и мужеству подвергнуться новому испытанию? Нервно, с досадой я спросила, кто там.

Голос хозяйки отвечал мне:

— Я хотела бы поговорить с вами.

Я отворила дверь. Не могу не признаться, что, хотя я нежно любила своего мужа, хотя покинула для него родных и друзей, для меня в эту минуту было большим облегчением узнать, что он еще не вернулся.

Хозяйка, войдя в комнату, взяла стул и, не ожидая приглашения, села подле меня. Она не довольствовалась более равенством со мной, но, поднявшись на высшую ступень общественной лестницы, приняла со мною покровительственный тон и смотрела на меня с жалостью, как на предмет, достойный сожаления.

— Я только что пришла из Бродстерса, —

начала она. — Надеюсь, вы отдадите мне справедливость и поверите, что я искренне сожалею о случившемся.

Я кивнула головой и не сказала ни слова.

— Я сама женщина благородная, — продолжала хозяйка. — Несчастные обстоятельства заставили меня сделаться квартирной хозяйкой, но я тем не менее осталась той же благородной женщиной и чувствую к вам большую симпатию. Я даже пойду далее: скажу вам, что я вас не осуждаю. Нет, нет! Я заметила, что вы были удивлены и поражены поведением вашей свекрови, а это значит много, очень много. Но я должна исполнить свою обязанность. Это неприятно, но это мой долг. Я женщина одинокая не потому, что я не имела случая изменить свое положение, прошу это заметить, а по собственному моему желанию. В моем положении я могу принимать в свой дом только почтенных жильцов. У моих жильцов не должно быть тайн. Тайна — как бы это сказать, чтобы не оскорбить вас, — налагает на человека пятно. Прекрасно! Теперь я обращаюсь к вашему здравому смыслу и спрашиваю вас, может ли женщина в моем положении подвергнуть себя такому риску? Я говорю это в братском и христианском духе. Вы сами как леди (и позволю себе сказать, как леди жестоко обиженная) легко поймете...

Я не могла больше выносить и прервала ее:

— Я понимаю, вам угодно, чтобы мы оставили вашу квартиру. Когда желаете вы, чтобы мы съехали?

Хозяйка подняла свою длинную, красную, грубую руку, как бы выражая тем грустный, родственный протест.

— Нет, — сказала она, — не принимайте со мной этого тона, не смотрите на меня так! Совершенно естественно, что вы встревожены, рассержены. Но все же вы должны себя сдерживать. Я обращалась к вашему здравому смыслу, не лучше ли вам отнестись ко мне как к другу. Вы не знаете, какую жертву, какую тяжелую жертву принесла я ради вас.

— Вы! — воскликнула я. — Какую жертву?

— Какую жертву! — повторила она. — Я унизила свое достоинство. Я лишилась своего собственного уважения.

Она на минуту замолчала и потом, вдруг схватив меня за руку, с неистовым порывом воскликнула:

— О, моя бедняжка! Я узнала кое-что. Негодяй обманул вас. Вы столько же замужем, сколько я.

Я вырвала у нее свою руку и с гневом вскочила со стула.

— Вы с ума сошли? — спросила я.

Она подняла глаза к потолку с видом мученицы.

— Да, — сказала она. — Полагаю, что я сошла с ума, потому что хотела оказать услугу неблагодарной, не умеющей оценить христианского самопожертвования. Хорошо! Впредь я ничего подобного не сделаю, клянусь небом!

— Что же вы сделали? — поинтересовалась я.

— Последовала за вашей свекровью, — закричала хозяйка, вдруг из мученицы превращаясь в ведьму. — Мне стыдно вспомнить об этом. Я проследила до самых дверей ее дома.

До сих пор меня поддерживала гордость, но тут она мне изменила. Я снова опустилась в кресло, ожидая с ужасом продолжения ее речи.

— Я с особенным выражением взглянула на вас, оставив вас на берегу, — продолжала хозяйка, горячась все более и более. — Благодарная женщина поняла бы этот взгляд. Но это ничего, я никогда больше этого не сделаю. Я догнала вашу свекровь в расселине между скалами. Я последовала за нею — теперь я вполне сознаю, как я унизила себя, — до самой станции Бродстерса. Она отправилась с поездом в Рамсгит, я также. Она направилась к своей квартире, я — за нею. О, какой стыд! К счастью, хозяин дома, которого я считала своим приятелем, а теперь же не знаю, что и думать о нем, оказался дома. У нас нет друг от друга

секретов, когда дело идет о наших жилищах. Теперь я могу сообщить вам, сударыня, настоящую фамилию вашей свекрови. Она ничего не знает о мистрис Вудвиль по очень простой причине: ее зовут не Вудвиль, а Маколан. Следовательно, и фамилия вашего мужа — Маколан. Она вдова генерала Маколана, а ваш муж вам не муж. Вы не девушка, не жена и не вдова. Вы хуже, чем ничего, сударыня, а потому должны оставить мой дом.

Я остановила ее, когда она отворяла дверь. Она нарушила мое хладнокровие. Сомневаться в законности моего брака? Это уж слишком, этого я не могла вынести.

— Дайте мне адрес миссис Маколан, — сказала я.

Гнев хозяйки вдруг сменился изумлением.

— Не хотите ли этим сказать, что вы отправитесь к старой леди? — спросила она.

— Никто не может мне сказать того, что я желаю знать, — отвечала я. — Ваше открытие, как вы это называете, может удовлетворять только вас; для меня этого недостаточно. Откуда вы знаете, что мистрис Маколан не была два раза замужем и что ее первый муж не назывался Вудвилем?

Теперь удивление на лице хозяйки уступило место любопытству. В сущности, как я уже и говорила, она была женщина добрая. Она была вспыльчива, как обыкновенно добрые натуры, и ее

нетрудно было как рассердить, так и успокоить.

— Подождите минутку, — сказала она. — Если я вам дам адрес, обещаете ли вы мне рассказать все, что скажет вам свекровь.

Я дала слово и получила адрес.

— Вы, однако, не сердитесь, — продолжала она, возвращаясь вдруг к своему прежнему фамильярному тону.

— Я не сержусь, — ответила я как можно любезнее.

Десять минут спустя я была у дверей дома, в котором жила моя свекровь.

Глава VI. МОЕ ОТКРЫТИЕ

К моему счастью, дверь отворила мне не сама хозяйка, когда я позвонила. Впустила меня глупая служанка, которой и в голову не пришло спросить мою фамилию. Мистрис Маколан была дома, гостей у нее не было. Сообщив мне это, девушка повела меня наверх и без доклада ввела в гостиную.

Свекровь моя сидела одна у рабочего столика и вязала. Когда я появилась на пороге, она отложила свою работу; приподнявшись с места, она повелительным жестом дала мне понять, что желает говорить первая.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказала она. — Вы пришли расспросить меня. Поощадите

себя и меня. Я предупреждаю вас, что не буду отвечать на вопросы касательно моего сына.

Слова эти были сказаны твердо, но не резко. Я, в свою очередь, твердо сказала ей:

— Я пришла сюда, сударыня, не для того, чтобы расспрашивать вас о вашем сыне. Я желаю, если позволите, задать вопрос, относящийся только к вам.

Она пристальным, пронизывающим взглядом посмотрела на меня через очки. Я, очевидно, удивила ее. — Что это за вопрос? — спросила она.

— Только что я узнала, что вы носите фамилию Маколан, — проговорила я. — Ваш сын женился на мне под именем Вудвиля. Объяснить это, насколько мне известно, можно только тем, что муж мой — ваш сын от первого брака. Счастье всей моей жизни зависит от этого обстоятельства. Войдите в мое положение и позвольте мне задать вам следующий вопрос: были ли вы два раза замужем и была ли фамилия вашего первого мужа — Вудвиль.

Она задумалась, прежде чем ответить.

— Вопрос совершенно естественный в вашем положении, — согласилась она. — Но мне кажется, лучше не отвечать на него.

— Могу я узнать, почему?

— Конечно. Если я сейчас отвечу вам, это вызовет ряд других вопросов, на которые я не могу

ответить. Мне очень грустно огорчать вас. Я повторю, что говорила на берегу моря: я не питаю к вам никакого неприязненного чувства, напротив, я жалею вас. Если бы вы до свадьбы обратились ко мне, я с полной откровенностью сообщила бы вам все. Теперь уже поздно. Вы замужем. Остается смириться с вашим положением и довольствоваться тем, что есть.

— Извините, сударыня, — возразила я, — я не могу довольствоваться тем, что есть, я даже не знаю, замужем ли я. Все, что я знаю, это то, что ваш сын венчался со мною под чужим именем. Могу ли я быть уверена, что я законная его жена?

— Полагаю, что не может быть никакого сомнения в том, что вы законная жена моего сына, — отвечала мистрис Маколан. — Во всяком случае, об этом можно справиться. Если б оказалось, что вы повенчаны не вполне законно, мой сын, несмотря на свои недостатки и заблуждения, настоящий джентльмен. Он не способен сознательно обмануть женщину, которая любит и доверяет ему; он будет к вам справедлив. Я со своей стороны поступлю так же. Если мнение юристов будет не в вашу пользу, я обещаю ответить вам на некоторые из ваших вопросов. Но я полагаю, что вы вполне законная жена моего сына, и я еще раз повторяю вам, постарайтесь смириться со своим положением. Довольствуйтесь преданной любовью

вашего мужа. Если вы дорожите своим душевным спокойствием и своим счастьем, то не старайтесь узнать больше того, что вам уже известно.

Она опустилась в кресло с видом человека, сказавшего свое последнее слово.

Дальнейшие увещания были бы безуспешны, это видно было по ее лицу и слышалось в ее голосе. Я направилась к дверям.

— Вы жестоки ко мне, сударыня, — сказала я уходя, — но я в вашей власти и должна покориться.

Она быстро взглянула на меня; ее доброе красивое старое лицо покрылось румянцем, и она отвечала мне:

— Бог мне свидетель, дитя мое, что я от души жалею вас!

После такого необычайного порыва чувствительности она одной рукой взяла работу, а другой сделала мне знак оставить ее одну.

Я, не произнеся ни слова, поклонилась ей и вышла.

Входя в дом я решительно не знала, что из этого выйдет; оставляла же я его с твердым намерением раскрыть тайну матери и сына. Что касается имени, то я в настоящую минуту смотрела на этот вопрос с другой точки зрения. Если б мистрис Маколан была два раза замужем (как я было предполагала сначала), то на нее произвело бы какое-нибудь впечатление, когда она услышала,

что меня называют именем ее первого мужа. Тут все было таинственно, но одно ясно. Каковы бы ни были причины, побудившие Юстаса к такому поступку, но очевидно, он обвенчался со мною под чужим именем.

Подходя к дому, я увидела своего мужа, прогуливающегося взад и вперед, очевидно, ожидающего моего возвращения. Если он меня спросит, откуда я, я решила откровенно рассказать ему, где была и что произошло между его матерью и мной.

Он поспешно подошел ко мне; вид его выражал сильнейшее волнение.

— Я к тебе с просьбой, Валерия, — сказал он. — Не согласишься ли ты вернуться со мною в Лондон первым поездом?

Я взглянула на него, не веря своим ушам.

— Этого требует важное дело, — продолжал он, — не денежное, а лично меня касающееся. Необходимо мое присутствие в Лондоне. Ты, кажется, сама не желала так скоро отправиться в море? Я не могу оставить тебя здесь одну. Имеешь ты что-нибудь против поездки в Лондон на день или на два?

Я не возражала, потому что сама горячо желала вернуться назад.

В Лондоне я могла навести справки и узнать наверное, законная ли я жена Юстаса или нет. Там я

могла найти помощь и совет у верного, старого приказчика моего отца. Я могла довериться Бенджамину, как никому другому. Как нежно ни любила я дядю своего Старкуатера, я не могла обратиться к нему в настоящий момент. Его жена указала мне как на плохую приметку, когда я по ошибке подписалась не той фамилией в церковной книге. Как же могла я сообщить ей о случившемся? Гордость не позволяла мне признаться, что ее предсказания оправдались прежде, чем окончился наш медовый месяц.

Два часа спустя мы уже ехали по железной дороге. Ах, какую поразительную разницу представляла эта поездка в отличие от первой! Когда мы ехали в Рамсгит, всякий с первого взгляда сказал бы, что мы счастливые новобрачные. На пути в Лондон нас никто не замечал, мы точно многие годы были уже мужем и женой.

Мы остановились в отеле поблизости от Портленд-плейс.

На следующий день после завтрака Юстас объявил мне, что он должен меня оставить и отправиться по своему делу. Я еще прежде сообщила ему, что мне нужно будет в Лондоне сделать некоторые покупки. Он охотно согласился отпустить меня одну, но с условием, чтобы я взяла принадлежащую отелю карету.

Тяжело было у меня на душе в это утро. Я

чувствовала, что между мною и мужем образовалась точно какая-то пропасть. Муж мой уже отворил было дверь, чтобы уйти, но вернулся и крепко поцеловал меня. Этот порыв нежности тронул меня. Под впечатлением минуты я обвила его шею руками и ласково притянула его к себе.

— Дорогой мой, будь со мною вполне откровенен, — сказала я. — Я знаю, что ты меня любишь. Поверь, ты можешь мне довериться.

Он тяжело вздохнул и отошел от меня прочь, не с досадой, а с огорчением.

— Я полагал, Валерия, что мы уже решили не возвращаться больше к этому вопросу, — сказал он. — Ты этим только расстраиваешь и себя, и меня.

Он быстро вышел из комнаты, точно боялся оставаться больше со мной наедине. Лучше не останавливаться на чувствах, которые овладели мной, когда он ушел. Я тотчас же спросила карету, желая движением и переменой места заглушить собственные мысли.

Во-первых, я отправилась в магазин и сделала покупки, о которых говорила Юстасу, чтобы оправдать свое отсутствие. Только потом я занялась интересовавшим меня делом и отправилась в маленький домик по дороге в Сент-Джонс-Вуд.

Когда прошло первое удивление при виде меня в Лондоне, добрый старик тотчас же заметил,

что я бледна и озабочена. Я созналась ему в своей тревоге. Мы уселись перед камином в его маленькой библиотеке. Здесь Бенджамин удовлетворял страсть к книгам, насколько позволяли его ограниченные средства. Я откровенно и чистосердечно рассказала своему старому другу все выше описанное.

Он был до того взволнован, что не мог вымолвить ни слова. Он горячо пожимал мою руку и благодарил Бога за то, что отец мой не дожил до того дня, чтобы услышать то, что он слышал. Помолчав с минуту, он повторил фамилию моей свекрови каким-то вопросительным тоном.

— Маколан? — сказал он. — Маколан? Где слышал я это имя? Оно звучит как знакомое мне.

Но, видя, что напрасно напрягает память, он с нежной заботливостью спросил, что может он для меня сделать. Я отвечала, что прежде всего он может разъяснить мое сомнение насчет того, действительно ли я законная жена. При этих моих словах в нем вспыхнула прежняя энергия, которою он отличался в то время, когда заведовал делами моего отца.

— Ваша карета у подъезда, — отвечал он. — Поедьте вместе к моему адвокату, не теряя ни минуты.

Мы отправились в Линкольн-Инн.

По моей просьбе Бенджамин изложил дело

адвокату так, будто оно касалось моей приятельницы, в которой я принимаю большое участие. Ответ был дан без малейшего колебания. Я венчалась в полной уверенности, что моему мужу действительно принадлежит та фамилия, которую он носит. Свидетели моего брака — мой дядя, тетка и Бенджамин — действовали, как и я, в той же уверенности. При таких обстоятельствах не могло быть никакого сомнения в законности брака. Я была законная жена. Маколан или Вудвиль — все равно он муж мой.

Этот решительный ответ избавил меня от мучительного беспокойства. Я приняла приглашение моего старого друга и отправилась в Сент-Джонс-Вуд разделить с ним его обед вместо завтрака.

В пути я беспрестанно возвращалась к другому вопросу, от которого никак не могла освободиться. Я окончательно решила узнать, почему Юстас венчался со мной не под настоящим своим именем.

Спутник мой качал головой и советовал мне хорошенько обдумать прежде, чем предпринять что-нибудь. Совет его — странное совпадение! — был повторением слов, сказанных мне свекровью: «Оставьте это дело, как оно есть. Ради своего собственного спокойствия довольствуйтесь любовью вашего мужа. Вы знаете, что вы его жена,

что он любит вас. Неужели этого недостаточно?»

У меня на это был только один ответ. При таких условиях жизнь становилась для меня невыносимой. Ничто не могло изменить моего решения по той простой причине, что я не находила возможным жить с моим мужем в таких отношениях, в каких мы были теперь. Оставалось только узнать: подаст ли Бенджамин руку помощи дочери своего старого хозяина.

Добрый старик отвечал, как и следовало ожидать от него:

— Объясните, что вам от меня нужно, моя дорогая.

В это время мы проезжали по улице, соседней с Портмен-сквер. Я только хотела ответить, но слова замерли у меня на устах. Я увидела моего мужа.

Он выходил из подъезда. Глаза его были опущены в землю, и он не поднял их, когда наша карета проезжала мимо. Когда слуга затворил за ним дверь, я заметила на ней номер 16. На первом углу я прочла название улицы: Вивиен-плейс.

— Не знаете вы, кто живет в доме под номером 16 на Вивиен-плейс? — спросила я своего спутника.

Бенджамин вздрогнул. Вопрос мой был, конечно, странный после того, что было им сказано мне.

— Не знаю, — ответил он. — Почему вы меня спрашиваете об этом?

— Я сейчас видела, как муж мой выходил из этого дома.

— Так что ж из этого, моя дорогая?

— Мысли мои мрачно настроены, Бенджамин. Все, что делает мой муж и чего я не понимаю, возбуждает во мне подозрения.

Старик поднял к небу свои иссохшие руки и снова опустил их на колени с видом скорби и сожаления.

— Еще раз повторяю вам, — сказала я, — что такая жизнь невыносима. Я не могу ручаться за то, что я сделаю, если не прекратится мое недоверие к человеку, которого я люблю больше всего на свете. Вы человек опытный. Предположите, что Юстас отказывает вам в своей доверии, как он это делает со мной, предположите, что вы его так же глубоко любите, как я, и осознаете всю тягость своего положения, как сознаю ее я. Скажите, что бы вы сделали в таком случае?

Вопрос был ясен, и Бенджамин так же ясно ответил на него:

— Думаю, что постарался бы познакомиться с каким-нибудь старым другом моего мужа и как можно осторожнее расспросил бы его.

Какого-нибудь друга моего мужа? Я уже думала об этом. Мне был известен один друг его,

которому писал мой дядя, — майор Фиц-Дэвид. У меня сильно забилося сердце, когда я припомнила это имя. Последовать ли мне совету Бенджамина и прибегнуть к помощи майора? Если он откажется отвечать мне, положение мое оттого нисколько не будет хуже, чем теперь. Я решила попытаться. Единственное затруднение заключалось в том, чтобы узнать адрес Фиц-Дэвида. Я возвратила письмо майора дяде Старкуатеру по его просьбе. Я помнила только, что жил он где-то в Лондоне, и более ничего.

— Благодарю вас, старый друг мой. Вы подали мне хороший совет, — сказала я Бенджамину. — Нет ли у вас дома адрес-календаря?

— Нет, моя дорогая, — ответил он в каком-то смущении, — но я могу достать его у кого-нибудь.

Мы вернулись в его загородный дом и тотчас же послали служанку за адрес-календарем в ближайший книжный магазин. Она принесла его в ту минуту, когда мы садились за стол. Отыскивая имя майора на букву Ф, я была поражена новым открытием.

— Бенджамин! — воскликнула я. — Посмотрите, какое странное совпадение.

Он взглянул на строчку, которую я ему указывала.

— Майор Фиц-Дэвид, номер 16, Вивиен-плейс, — прочел он.

Тот самый дом, откуда выходил мой муж, когда мы проехали мимо него!

Глава VII. НА ПУТИ К МАЙОРУ

— Да, — сказал Бенджамин, — странное совпадение! Впрочем...

Он остановился и взглянул на меня. Казалось, он несколько сомневался, способна ли я выслушать то, что он хотел сказать.

— Продолжайте, — попросила я.

— Впрочем, моя дорогая, я не вижу ничего подозрительного в том, что случилось. По-моему мнению, это совершенно естественно, что муж ваш, приехав в Лондон, навестил своего друга. И также естественно, что мы, возвращаясь домой, проехали по Вивиен-плейс. Вот единственно разумный взгляд на случившееся. Бы что на это скажете?

— Я уже говорила вам, что мысли мои мрачно настроены и подозрения против Юстаса возникают от всяких пустяков, — отвечала я. — Но убеждена, что он не без причины посетил майора; это не простой визит, в этом я твердо убеждена.

— Не приступить ли нам к обеду? — смиренно заговорил Бенджамин. — Это бараний бок, самый обыкновенный бараний бок, моя дорогая. В нем нет ничего подозрительного, не так ли? Докажите мне свое доверие к баранине,

покушайте. Вот и вино, в нем тоже нет ничего таинственного. Готов поклясться, тут только невинный виноградный сок, и более ничего. Если вы не уверены ни в чем другом, то поверьте, по крайней мере, этому виноградному соку. За ваше здоровье, моя дорогая.

Я, насколько могла, поддерживала добродушный юмор своего старого друга. Мы ели, пили и вспоминали былое. На время я была почти счастлива в обществе старика. Почему я не старуха? Почему я не покончила с любовью, с радостями и бедами, с жестоким разочарованием, горькими сомнениями? Последний осенний цветок с наслаждением грелся под осенними лучами солнца; собака Бенджамина разлеглась на земле с полным комфортом, переваривая свой обед. Попугай в соседнем доме весело выкрикивал весь запас своих вокальных дарований. Вполне сознавая преимущество быть человеком, я завидовала счастливой участи животных и растений.

Краткий момент забвения быстро миновал, вернулись все мои тревоги. Прощаясь со стариком, я снова была преисполнена сомнений, недовольства, уныния.

— Обещайте мне, дорогая, не предпринимать ничего опрометчивого, — попросил Бенджамин, отворяя мне дверь.

— Поехать к майору Фиц-Дэвиду не будет

опрометчивостью? — спросила я.

— Нет, если вы поедете не одна. Вы не знаете, что это за человек, как он примет вас. Позвольте мне сделать первую попытку и, как говорится, проложить вам дорогу. Положитесь на мою опытность. В таких делах не может быть ничего лучше, как проложить дорогу.

Я на минуту задумалась. Я обязана была ради своего старого друга хорошенько обдумать, прежде чем сказать «нет».

По зрелом размышлении я решила действовать самостоятельно. Добрый или злой, сострадательный или жестокий, все же майор — мужчина. Влияние женщины должно на него подействовать и привести к желаемой мною цели. Не легко было объяснить это Бенджамину, не оскорбив его. Я договорилась со стариком, чтобы он приехал ко мне на следующее утро потолковать об этом деле. К стыду своему, я должна признаться, что мысленно решила (если будет возможно исполнить) повидаться с майором Фиц-Дэвидом прежде, чем успеет приехать Бенджамин.

— Не поступайте опрометчиво, моя дорогая, ради своих собственных интересов будьте осторожны.

Это были последние слова старика, я уехала.

Когда я вернулась в отель, муж был дома и

ожидал меня в гостиной. Его расположение духа, казалось, несколько улучшилось по сравнению с его настроением утром. Он весело пошел ко мне навстречу, держа в руках развернутый лист бумаги.

— Я закончил свои дела гораздо быстрее, чем думал, — начал он. — А ты, Валерия, сделала все покупки? Свободна ли ты, моя красавица?

Я уже научилась (прости, Господи!) не доверять его веселости и осторожно спросила:

— Что ты подразумеваешь под словами «свободна ли я сегодня»?

— Свободна ли ты сегодня, завтра, на будущей неделе, в будущем месяце, году для меня, — отвечал он, страстно обнимая меня. — Посмотри сюда!

Он показал мне развернутый лист бумаги, который еще раньше я заметила у него в руках. Он держал его так, чтобы я могла его прочесть. Это была телеграмма к капитану яхты, уведомлявшая его, что мы возвратимся в Рамсгит сегодня вечером и намерены с первым приливом выйти в Средиземное море.

— Я только ожидал твоего возвращения, — прибавил муж, — чтобы отправить телеграмму по назначению.

С этими словами он направился к звонку. Я остановила его.

— Боюсь, что не смогу поехать в Рамсгит

сегодня вечером, — сказала я.

— Почему так? — спросил он, резко изменив тон.

Многим, может быть, покажется странным, если я скажу, что мое намерение ехать к майору Фиц-Дэвиду быстро поколебалось, когда он обнял меня. Малейшая ласка с его стороны совершенно увлекала меня и склоняла к уступкам, но перемена его тона сделала из меня другую женщину. Я в ту же минуту осознала, и сильнее прежнего, что в моем критическом положении нельзя останавливаться, а тем более возвращаться назад.

— Мне очень жаль огорчать тебя, — ответила я, — но я положительно не могу, как уже говорила тебе в Рамсгите, отправиться в путешествие теперь же. Мне нужно время.

— На что нужно тебе время?

При этом вопросе не только тон, но и взгляд его перевернул все во мне. Не знаю, как и почему, но во мне вспыхнул гнев за его недостойный поступок по отношению ко мне: женитьбу под вымышленным именем. Боясь ответить слишком поспешно, сказать что-либо, о чем придется потом пожалеть, я молчала. Только женщина может оценить, чего мне стоило это молчание, и только мужчина поймет, как это молчание должно было раздражить моего мужа.

— Тебе нужно время, — повторил он. — Я

опять спрашиваю, на что нужно тебе время?

Мое самообладание, доведенное до последней крайности, больше не выдержало. Необдуманное слова слетели с моих уст, как птица из клетки.

— Мне нужно время, — воскликнула я, — чтобы привыкнуть к моему настоящему имени.

Он вдруг приблизился ко мне, устремив на меня мрачный взор.

— Что ты подразумеваешь под своим настоящим именем?

— Тебе это, конечно, известно, — отвечала я. — Раньше я думала, что я мистрис Вудвиль; теперь же я открыла, что я мистрис Маколан.

Он отшатнулся при звуке своего имени, когда я произнесла его, и так побледнел, что я подумала, что он упадет в обморок прямо у моих ног. О, язык мой! Почему не сумела я удержать вовремя злой, вредный женский язык!

— Я вовсе не думала встревожить тебя, Юстас, — сказала я. — Я так сболтнула. Извини меня, пожалуйста.

Он нетерпеливо замахал рукой, точно мои извинения надоедали, беспокоили его, как летом мухи, и он старался отогнать их от себя.

— Что еще открыли вы? — спросил он глухим голосом.

— Ничего, Юстас.

— Ничего, — повторил он и замолчал,

медленно проводя рукою по лбу. — Разумеется, ничего, — повторил он как бы говоря про себя, — иначе ее не было бы здесь. — И он молча, пристально стал глядеть на меня. — Не говори мне никогда то, что сейчас сказала, — вымолвил он, — не делай этого как для себя самой, так и для меня, Валерия.

Он опустил в ближайшее кресло и снова замолчал.

Я, без сомнения, слышала, почувствовала предостережение, но слова, произнесенные им перед этим, как бы про себя, произвели на меня более сильное впечатление. Он сказал: «Разумеется, ничего, иначе ее не было бы здесь». Значит, если бы мне удалось открыть еще что-нибудь, кроме вымышленного имени, то я не захотела бы вернуться к мужу. Неужели именно это хотел он сказать? Неужели открытие, которое он подразумевал, было так ужасно, что навсегда разлучило бы нас? Я всматривалась в его лицо, стараясь найти разрешение всех своих страшных вопросов. Это лицо, бывало так красноречиво говорившее мне о его любви, теперь ничего не выражало.

Он недолго посидел, погруженный в свои мысли, ни разу не взглянув на меня. Потом вдруг поднялся и взялся за шляпу.

— Приятель, который одолжил мне яхту,

находится в настоящее время в городе. Думаю, мне лучше повидаться с ним и сообщить, что наши планы изменились. — При этих словах он с угрюмым видом разорвал телеграмму. — Ты, очевидно, не отправишься со мной в морское путешествие, — прибавил он. — Лучше совсем отказаться от него. Кажется, больше ничего не остается делать. Ты как думаешь?

В его голосе звучало почти презрение, но я была слишком встревожена за себя, слишком огорчена за него, чтобы этим оскорбиться.

— Решай, как ты находишь лучше, Юстас, — сказала я. — Мне кажется, это путешествие не обещает нам ничего утешительного. Пока ты не удостоишь меня своим доверием, мы не можем быть счастливы ни на суше, ни на море.

— Если бы ты могла сдержать свое любопытство, — ответил он мрачно, — мы могли бы жить довольно счастливо. Я воображал, что женился на женщине, которая стоит выше пошлых слабостей ее пола. Хорошая жена не вмешивается в дела своего мужа, которые нисколько ее не касаются.

Трудно было стерпеть это, но я стерпела.

— Разве меня не касается, что муж мой женился на мне под вымышленным именем? — тихо спросила я. — Разве также не касается и то, что твоя мать говорит, что она жалеет твою жену?

Жестоко с твоей стороны, Юстас, обвинять меня в любопытстве за то, что я нахожу невыносимым положение, в которое ты меня поставил. Твое ужасное молчание омрачает мое счастье в настоящем и грозит в будущем. Оно отталкивает нас друг от друга в самом начале нашей супружеской жизни. А ты винишь меня за эти чувства. Ты говоришь, что я вмешиваюсь в дела, касающиеся тебя одного. Эти дела не только твои, они также и мои. Дорогой мой, зачем так играть нашей любовью и доверием друг к другу? Зачем оставляешь ты меня в неизвестности? К чему тайны?

Он сурово и безжалостно ответил:

— Для твоей же собственной пользы.

Я молча отошла от него. Он обращался со мною, как с ребенком. Муж мой последовал за мною. Тяжело опустив руку на мое плечо, он заставил меня повернуться к нему лицом.

— Выслушай меня, — сказал он. — То, что я хочу сказать тебе, скажу в первый и в последний раз. Валерия, если ты откроешь то, что я от тебя скрываю, жизнь твоя обратится в пытку, спокойствие твое будет потеряно. Дни твои будут днями ужаса, ночи полны страшных сновидений; и все это будет не по моей вине, понимаешь, вовсе не по моей вине! Каждый день в твоей душе будут возникать новые подозрения относительно меня, ты

будешь бояться меня и всем этим наносить мне незаслуженные оскорбления. Как истинный христианин, как честный человек, говорю тебе, не ищи разгадки тайны, или ты загубишь счастье всей нашей жизни. Подумай серьезно о том, что я тебе сказал; я тебе дам время на размышление. Я пойду к своему приятелю, сообщу ему, что наши планы относительно путешествия по Средиземному морю изменились. Я вернусь не раньше вечера. — Он вздрогнул и взглянул на меня с глубокой грустью. — Я люблю тебя, Валерия, — прибавил он. — Несмотря на все, что случилось. Бог мне свидетель, я люблю тебя еще больше, чем прежде.

Сказав это, он ушел.

Я должна сказать о себе правду, какой странной ни покажется она. Я не имею обыкновения анализировать свои чувства или рассуждать, как поступила бы на моем месте другая женщина. Верно то, что на меня ужасное предостережение моего мужа — еще более ужасное по своей таинственности и неопределенности — произвело действие совершенно противоположное тому, чего следовало ожидать: оно еще более подтолкнуло меня в моем намерении открыть то, что от меня так тщательно скрывали. Не прошло и двух минут после его ухода, как я позвонила и приказала подать карету, чтобы ехать к майору Фиц-Дэвиду.

В ожидании кареты, прохаживаясь взад и вперед по комнате — я была в таком лихорадочном состоянии, что не могла оставаться на месте, — я нечаянно увидела себя в зеркале.

Я была поражена своей наружностью, такой дикий и растрепанный вид был у меня. Могла ли я явиться в таком виде к постороннему человеку и надеяться произвести на него приятное впечатление? А между тем я сознавала, что, вполне вероятно, мое будущее зависит от того, сумею ли я расположить к себе майора Фиц-Дэвида. Я снова позвонила и послала за одной из горничных отеля. Со мной не было горничной, так как на яхте мне должна была прислуживать жена буфетчика. В большем я не нуждалась.

Вскоре явилась горничная. Лучшим доказательством беспорядочного, расстроенного состояния моих мыслей может служить то, что я обратилась к совершенно неизвестной мне женщине с вопросом о том, как я выгляжу. Горничная была средних лет, с большим опытом в разных делах, и развращенность ее ясно выражалась и на ее лице, и во всех ее манерах. Я сунула ей в руку столько денег, что она была удивлена. Она поблагодарила меня с циничной улыбкой, очевидно, объясняя мою щедрость дурными побуждениями.

— Чем могу быть полезна, сударыня? —

спросила она конфиденциальным шепотом. — Только не говорите громко, в соседней комнате кто-то есть.

— Я хотела бы принарядиться, — сказала я, — и послала за вами, чтобы вы помогли мне.

— Понимаю, сударыня.

— Что понимаете вы?

Она многозначительно кивнула головой и снова заговорила шепотом.

— Слава Богу, не впервой! Я к этим делам привыкла, — отвечала она. — Вероятно, тут замешан какой-нибудь молодой человек. Не волнуйтесь, сударыня. Просто у меня такая манера вести себя. Я не вижу ничего дурного в вашем поведении. — Она замолчала и окинула меня внимательным взглядом. — На вашем месте я не стала бы менять платье, — продолжала она, — оно вам очень к лицу.

Уже не время было останавливать дерзость этой женщины, оставалось только воспользоваться ее услугами. К тому же она была права относительно платья. Оно было нежно-маисового цвета, премило отделано кружевами и очень шло мне. Но мои волосы требовали особенного внимания. Горничная с большой ловкостью и умением убрала их, было видно, что она опытна в этом деле. Положив щетку и гребень на стол, она взглянула на меня, потом на туалетный столик,

отыскивая, очевидно, вещь, которой ей недоставало.

— Куда вы их прячете? — спросила она.

— О чем вы говорите?

— Посмотрите на свое лицо, сударыня. Он испугается, увидев вас в таком виде. Вам нужно немножко подрумяниться. Куда же вы их прячете? Как! У вас их вовсе нет? Вы их не употребляете? Вот чудеса-то!

Она с минуту от удивления не могла прийти в себя, наконец, оправившись, попросила позволения удалиться на минуту. Я отпустила ее, зная, зачем она пошла. Она вернулась с коробочкой румян и белил, я ей не мешала; в зеркало я наблюдала, как кожа моя приняла неестественную белизну, щеки покрылись румянцем, глаза получили странный блеск, и я ее не остановила. Я даже залюбовалась необыкновенным искусством и ловкостью горничной, с помощью которых происходило это перевоплощение. Это поможет мне, думала я про себя (такое безумие овладело мною в те минуты), произвести выгодное впечатление на майора; только бы мне добиться разрешения загадочных слов моего мужа.

Преобразование мое было окончено. Горничная пальцем указала мне на зеркало.

— Вспомните, сударыня, как выглядели вы, когда я пришла к вам, — сказала она, — и

посмотрите, какой вы стали теперь. Вы прелестнейшая женщина в Лондоне. Вот что значит жемчужный порошок, когда с ним умеют обращаться.

Глава VIII. ДРУГ ЖЕНЩИН

Невозможно описать ощущения, охватившие меня по пути к майору Фиц-Дэвиду. Я сомневаюсь даже в том, чувствовала ли и думала ли я что-нибудь.

С той минуты, как я обратилась за помощью к горничной, я словно отрешилась от себя, и характер мой совершенно изменился. В прежнее время мой нервный темперамент заставлял меня преувеличивать все затруднения, встречавшиеся на пути. В прежнее время, если бы я отправлялась на подобное щекотливое свидание с незнакомым мне человеком, я бы разумно все взвесила, что именно должна сказать ему. Теперь же я вовсе не обдумывала предстоящего мне свидания, я чувствовала лишь безотчетную уверенность в себе и слепую веру в него. Теперь не тревожило меня ни прошлое, ни будущее; я, не рассуждая, жила настоящим. Я смотрела на магазины, мимо которых проезжала, на экипажи, сновавшие взад и вперед. Я замечала — да! — с радостью замечала, что пешеходы любовались мной, и мысленно говорила

себе: «Это подает мне надежду приобрести благосклонность майора». Когда мы остановились у подъезда на Вивиен-плейс, я могу без преувеличения сказать, что во мне жило только одно опасение: не застать майора дома.

Дверь отворил мне слуга без ливреи, старик, в молодости своей, очевидно, бывший на военной службе. Он очень внимательно оглядел меня с головы до ног, и лицо его выразило одобрение. Я спросила майора Фиц-Дэвида, последовал не очень утешительный ответ: слуга не был уверен, дома ли его хозяин.

Я протянула ему свою визитную карточку: «Мистрис Юстас Вудвиль». Визитные карточки были отпечатаны ко дню нашей свадьбы, поэтому на них указано было еще вымышленное имя. Слуга провел меня в комнату нижнего этажа и исчез с карточкой.

Осмотревшись вокруг, я заметила дверь в стене напротив окна. Дверь эта была не обыкновенная, она не отворялась, а выдвигалась и задвигалась. Приглядевшись к ней, я заметила, что она не плотно задвинута. Оставлена была небольшая щель, через которую можно было услышать все, что происходит в соседней комнате.

— Оливер, что вы ей сказали, когда она спросила обо мне? — проговорил тихо мужской голос.

— Я сказал, что не знаю, дома вы или нет, — отвечал голос впустившего меня слуги.

— Думаю, мне лучше не принимать ее, — сказал майор.

— Очень хорошо, сударь.

— Скажите, что я вышел и вы не знаете, когда я возвращусь. Попросите ее написать, если у нее есть дело до меня.

— Слушаюсь.

— Пойдите, Оливер.

Тот остановился. Здесь произошла маленькая пауза, потом майор начал расспрашивать его.

— Молода она, Оливер?

— Да, сударь.

— И хороша?

— По моему мнению, более чем хороша.

— Эге! Значит, она красавица?

— Да, сударь.

— Высокого роста?

— Почти с меня, майор.

— Ого! И стройная?

— Тонка, как молодая пальма, и пряма, как стрела.

— В таком случае я дома. Введите ее сюда, Оливер.

Оказывалось, что я правильно поступила, прибегнув к помощи горничной. Что доложил бы обо мне Оливер, если бы я явилась сюда бледная и с

неуложенными волосами?

Слуга возвратился и повел меня через прихожую во внутреннюю комнату. Майор поспешил мне навстречу. Что это за человек?

Майор был пожилой, но хорошо сохранившийся мужчина лет шестидесяти, небольшого роста, худощавый, с непомерно длинным носом, прямо бросающимся в глаза. Потом я обратила внимание на прекрасный каштанового цвета парик, на блестящие серые глаза, розовый цвет лица, небольшие усы, подстриженные по-военному и подкрашенные под цвет парика, белые зубы и привлекательную улыбку и, наконец, синий фрак с камелией в петличке и великолепное кольцо с рубином, замеченное мною в ту минуту, когда майор любезно указал мне рукою на кресло.

— Дорогая мистрис Вудвиль, как это любезно с вашей стороны. Я с таким нетерпением ожидал счастья познакомиться с вами. Юстас — мой старый приятель. Я поздравлял его, услышав о его женитьбе. Но теперь, позвольте покаяться, увидев его супругу, я завидую ему.

Может быть, будущее мое находилось в руках этого человека, поэтому я тщательно изучала его, стараясь по лицу угадать его характер.

Серые блестящие глазки майора смягчались, глядя на меня, а суровый и грубый голос принимал самые нежные оттенки, когда он говорил со мной.

Вся фигура майора выражала полнейшее восхищение и почтение. Он придвинул свой стул как можно ближе ко мне, как бы считая особенным преимуществом быть подле меня. Взяв мою руку, он приложился к моей перчатке, как к чему-то в высшей степени приятному.

— Дорогая мистрис Вудвиль, — сказал он, нежно опуская мою руку обратно на колени, — простите старика за его поклонение прелестному полу. Вы своим присутствием озарили этот мрачный дом. Какое блаженство видеть вас здесь!

Старому джентльмену не было никакой надобности выражать свои чувства. Недаром вошло в пословицу, что женщины, дети и собаки инстинктивно чувствуют, кто их действительно любит. В майоре Фиц-Дэвиде женщины всегда находили истинного друга, может быть, в иное время опасного, слишком горячего друга. Я это поняла прежде, чем успела сесть в кресло и заговорить.

— Благодарю вас, майор, за ваш любезный прием и комплименты, — отвечала я, впадая в его легкий тон, насколько это было возможно с моей стороны. — Вы только что сделали мне признание, а можно мне сделать свое?

Майор Фиц-Дэвид снова взял мою руку и еще ближе придвинул свой стул. Я чрезвычайно серьезно и с достоинством посмотрела на него и

постаралась высвободить свою руку. Майор отказывался выпустить ее, объясняя это следующим образом:

— Я нахожусь под впечатлением вашего чудного голоса, который слышу в первый раз. Дорогая миссис Вудвиль, не сердитесь на старика, но я совершенно вами очарован. Не лишайте меня невинного удовольствия. Оставьте, я желал бы сказать, отдайте мне вашу прекрасную ручку. Я чрезвычайно люблю хорошенькие ручки и гораздо лучше слушаю, когда держу такую ручку в своей. Все дамы снисходят к моей слабости, будьте и вы снисходительны ко мне. Кстати, что вы хотели мне сказать?

— Я хотела сказать, что чрезвычайно вам благодарна за ваш любезный прием и тем более, что у меня к вам просьба.

Начав говорить, я сознавала, что несколько поспешно приступаю к цели моего посещения. Но восхищение майора так быстро возрастало, что я находила нужным несколько ослабить его. Я не напрасно понадеялась на эти знаменательные слова: «У меня к вам просьба». Мой пожилой обожатель нежно опустил мою руку и самым деликатным образом переменял разговор.

— Просьбу свою можете считать исполненной, — промолвил он. — А теперь скажите мне, что подделывает наш дорогой Юстас?

— Он очень расстроен и в дурном расположении духа, — ответила я.

— Расстроен, в дурном расположении духа! — повторил майор. — Человек, у которого такая жена и которому все должны завидовать, расстроен и в дурном расположении духа! Это чудовищно! Он меня положительно разочаровывает, и я вычеркну его из списка своих друзей.

— В таком случае вам придется вычеркнуть и меня из вашего списка. Я тоже в самом дурном настроении. Вы старый друг моего мужа, а потому я могу вам признаться, что наша супружеская жизнь в настоящее время далеко не счастливая.

Майор приподнял свои брови, подкрашенные под цвет парика, выражая тем самым свое учтивое удивление.

— Уже! — воскликнул он. — Что же стало с Юстасом? Неужели он не умеет ценить красоту и грацию? Неужели он такой бесчувственный человек?

— Он лучший и добрейший из людей, — отвечала я. — Но есть какая-то страшная тайна в его прошлом...

Я не смогла продолжить, так как майор Фиц-Дэвид остановил меня. Он сделал это, по-видимому, с самой изысканной вежливостью, но в его маленьких блестящих глазах я совершенно

ясно прочла: «Если вам угодно, сударыня, затрагивать такой щекотливый предмет, то я вам не товарищ».

— Мой прелестный друг! — воскликнул он. — Не правда ли, вы позволите мне называть вас моим прелестным другом? Вы обладаете, как я вижу, среди множества прекрасных качеств очень живым воображением. Не давайте ему воли! Послушайтесь совета старого друга, не давайте ему воли! Разрешите предложить вам что-нибудь, мистрис Вудвиль? Чашку чаю?

— Называйте меня моим настоящим именем, сударь, — смело заявила я. — Я открыла недавно и теперь так же хорошо знаю, как и вы, что моя фамилия — Маколан.

Майор вздрогнул и очень внимательно посмотрел на меня. Он сделался серьезен, и тон его совершенно изменился, когда он снова заговорил.

— Могу я узнать, сообщили ли вы вашему мужу о своем открытии? — спросил он.

— Конечно, — ответила я. — Я полагала, что мой муж обязан сам объяснить мне тайну, но он отказался сделать это в таких выражениях, что я перепугалась. Я обратилась к его матери, она тоже отказала мне в объяснении, и в таких выражениях, которые оскорбили меня. Добрейший господин Фиц-Дэвид, у меня нет друзей, которые бы поддержали меня. Мне не к кому обратиться, кроме

вас. Сделайте величайшее одолжение, скажите, почему Юстас женился на мне под вымышленным именем?

— Окажите мне величайшую милость, не спрашивайте меня об этом, — ответил майор.

Несмотря на такой уклончивый ответ, лицо его выражало сочувствие. Я решила еще раз попытать счастья.

— Я должна просить вас об этом, — настаивала я. — Войдите в мое положение. Могу ли я жить, зная то, что я знаю, и ничего более? Я готова услышать самые ужасные вещи, только не оставаться, как теперь, в постоянной неизвестности и непрерывном ожидании. Я всей душой люблю своего мужа, но при таких обстоятельствах я не в состоянии жить с ним; я могу сойти с ума. Я женщина, майор, и полагаюсь на вашу дружбу. Умоляю вас, не оставляйте меня бродить во мраке!

В порыве отчаяния я схватила его руку и поднесла к своим губам. Любезный джентльмен вздрогнул, точно от электрического тока.

— Дорогая моя, дорогая моя! — вскричал он. — Не могу передать, как я вам сочувствую! Вы очаровали меня, растрогали до глубины души. Что я могу сказать вам? Что сделать? Следуя вашему примеру, я постараюсь быть с вами вполне откровенным и чистосердечным. Вы мне рассказали, в каком находитесь положении, теперь

я в свою очередь сообщу, в каком положении нахожусь я. Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь. У меня здесь есть флакон с нашатырным спиртом для дам, позвольте предложить вам его!

Он принес мне флакон, поставил под ноги маленькую скамеечку и настоятельно просил успокоиться. «Несносный безумец! — пробормотал он про себя, отойдя в сторону. — Если бы я был ее мужем, будь что будет, я рассказал бы ей всю правду».

Неужели майор говорил это об Юстасе? Уж не решился ли он вместо мужа рассказать мне всю правду?

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как я вздрогнула от сильного звонка. Майор стал внимательно прислушиваться. Через несколько минут дверь в прихожую отворилась, и там зашуршало женское платье. Майор поспешил к двери с живостью молодого человека, но, несмотря на это, опоздал. Дверь быстро распахнулась в ту минуту, когда он подходил к ней, и дама в шуршащем платье не вошла, а вбежала в комнату.

Глава IX. ПОРАЖЕНИЕ МАЙОРА

Посетительница майора оказалась полной молодой девушкой с круглыми глазами, светлыми, как лен, волосами, румяными щеками и одетая

чрезвычайно нарядно. С удивлением и внимательно осмотрев меня, она обратилась к майору и умышленно извинилась только перед ним в том, что явилась к нам без позволения. Она, как видно, принимала меня за последний предмет обожания старого джентльмена и не сочла нужным скрывать свою ревность, застав нас наедине. Майор уладил дело со свойственной ему любезностью. Он так же почтительно поцеловал руку молодой девушки, как целовал мою, и рассыпался в похвалах ее красоте. Потом проводил ее до той двери, в которую она вошла (другая вела в прихожую), говоря с восхищением, смешанным с уважением:

— Пожалуйста, без извинений, моя дорогая. Эта дама приехала ко мне по делам. Учитель пения ожидает вас наверху. Начинайте свой урок, я приду к вам через несколько минут. До свидания, моя прелестная воспитанница, до свидания.

Молодая девушка шепотом ответила на эту любезную речь, подозрительно уставив на меня свои круглые глаза. Дверь за нею затворилась, и майор принялся улаживать свое дело со мной.

— Я считаю эту молодую девушку счастливейшей находкой, — добродушно сказал старый джентльмен. — Она обладает самым лучшим сопрано в Европе. И, представьте себе, я в первый раз увидел ее на станции железной дороги. Бедное создание стояло за буфетом и распевало,

моя посуду. Боже мой, как пела! Ее высокие ноты наэлектризовали меня. Я сказал себе: «Вот настоящая примадонна, нужно увести ее отсюда». Это будет третья, которую я выведу в люди. Я повезу ее в Италию, когда обучение ее продвинется несколько вперед, и усовершенствую его в Милане. В этой простой девушке вы видите, миледи, будущее театральное светило. Послушайте, она начинает арию. Каков голос! Браво, браво, брависсимо!

В эту минуту по всему дому раздались высокие ноты сопрано будущей оперной царицы. Невозможно было сомневаться в силе этого голоса, но нельзя было то же самое сказать о его нежности и чистоте.

Сказав майору несколько вежливых слов, которых требовало приличие, я попыталась вернуть его к нашему прежнему разговору, прерванному появлением посетительницы. Ему, видимо, не хотелось возвращаться к опасному вопросу, который его так было растрогал. Он выбивал пальцем такт, слушая доносившееся к нам сверху пение; спросил меня, есть ли у меня голос и пою ли я; потом заметил, что жизнь была бы для него невыносима без любви и искусства. Мужчина на моем месте потерял бы всякое терпение и с отвращением отказался бы от борьбы. Но я, как женщина, твердо держалась своего намерения, и

решение мое было непоколебимо. Я старалась переломить упорство майора и заставить его сдаться. Я должна отдать ему справедливость в том, что когда он заговорил об Юстасе, то говорил откровенно и шел прямо к цели.

— Я знал вашего мужа еще мальчиком, — начал он. — В его прошлой жизни с ним случилось страшное несчастье. Тайна этого несчастья известна его друзьям, и они свято хранят ее. Это та самая тайна, которую он так тщательно скрывает от вас и, пока жив, не откроет ее вам. Я честным словом обязался ему не говорить о ней никому ни слова. Вы желали, дорогая мистрис Вудвиль, желали знать, каковы мои отношения с Юстасом. Теперь знаете.

— Вы упорно продолжаете называть меня мистрис Вудвиль, — заметила я.

— Ваш муж этого желает, — отвечал майор. — Он принял фамилию Вудвиль, боясь явиться в дом вашего дяди под своим собственным именем, и не хочет больше называться иначе, несмотря на все наши увещевания. Вы должны, подобно нам, уступить воле безрассудного человека. Отличнейший человек во всех прочих отношениях, в этом деле он упрям и своеволен в высшей степени. Если желаете знать мое мнение, я прямо скажу вам, что он поступил дурно, ухаживая за вами и женившись на вас под вымышленным

именем. Женившись на вас, он вверил вам свою честь и свое счастье, почему же не доверил он вам истории своего несчастья? Мать его разделяет мой взгляд на это дело. Вы не должны осуждать ее за то, что она не была с вами откровенна после свадьбы: тогда уже было поздно. До свадьбы она сделала все, что могла, чтобы убедить своего сына поступить с вами по справедливости. Как добрая мать, она не могла выдать его тайну. С моей стороны не будет нескромностью, если я скажу вам, что она отказала Юстасу в своем благословении на брак за то, что он не послушался ее совета и не хотел открыть вам правду; я со своей стороны всеми силами поддерживал миссис Маколан. Когда Юстас сообщил мне, что женится на племяннице моего доброго друга Старкуатера и что он указал на меня как на человека, у которого можно справиться о нем, я тотчас написал ему и предупредил, что не хочу вмешиваться в это дело, если он не откроет всей правды своей невесте. Он не послушался меня, как не послушался своей матери, и в то же время умолял меня не открывать его тайну невесте. Когда Старкуатер написал мне, я должен был выбирать одно из двух: или самому вмешаться в обман, против которого я восставал, или отвечать сухо и кратко, чтобы прервать переписку в самом начале. Я выбрал последнее и боюсь, что оскорбил тем моего дорогого друга. Теперь вы видите, в какое

затруднительное положение я поставлен. Прибавьте к этому еще то, что сегодня был у меня Юстас и предупредил меня, чтобы я был настороже, что вы можете обратиться ко мне с расспросами, что и действительно случилось. Он сообщил мне, что по нелепой случайности вы встретились с его матерью и узнали настоящую его фамилию. Он объявил мне, что нарочно приехал в Лондон, чтобы лично переговорить со мной об этом важном деле. «Я знаю вашу слабость к женскому полу, — сказал он. — Валерии известно, что вы мой старый друг. Она, вероятно, напишет вам, а пожалуй, решится и сама явиться к вам. Обещайте мне, повторите вашу клятву хранить в тайне великое несчастье моей жизни». Это собственные его слова. Я пытался обратить это в шутку, я смеялся над нелепым его желанием «повторить клятву», но все тщетно. Он настаивал на своем, напоминал мне о том, что он уже выстрадал, и наконец залился слезами. Вы его любите, и я также. Можете ли вы удивляться, что я исполнил его желание? В результате вышло то, что я вдвойне связал себя, повторив еще священную клятву не говорить вам ничего. Дорогая леди, я в этом деле на вашей стороне и рад бы был избавить вас от тревоги. Но что же могу я сделать?

Он остановился и с серьезным видом ожидал моего ответа.

Я с начала и до конца выслушала его, ни разу

не прервав. Странная перемена в выражении лица и манерах, происшедшая в нем в то время, как он говорил об Юстасе, чрезвычайно пугала меня. Как ужасна (думала я про себя) должна быть эта злополучная история, если легкомысленный майор Фиц-Дэвид становится серьезным и печальным, говоря о ней, не улыбается, не примешивает к своей речи комплиментов, не упоминает даже о пении, которое все еще слышится наверху. Сердце упало во мне, когда я пришла к этому ужасному заключению. В первый раз по приходе моем сюда я почувствовала себя в безвыходном положении, я не знала, что говорить, что делать.

Несмотря на это, я все еще оставалась на месте. Никогда решимость открыть тайну моего мужа не была во мне так сильна, как в эту минуту. Я не могу объяснить этого странного противоречия в моем характере, я только описываю факты, как они были в то время.

Пение наверху продолжалось. Майор Фиц-Дэвид ожидал, чтобы я сообщила ему, на что я решилась.

Прежде чем я остановилась на чем-либо, новый посетитель постучался у парадной двери. На этот раз не зашуршало дамское платье в прихожей, а в комнату вошел старый слуга, держа в руках великолепный букет.

— Леди Клоринда свидетельствует свое

почтение и приказала напомнить майору об обещании.

Опять женщина, и на этот раз титулованная. Важная дама открыто посылает ему цветы. Майор, извинившись передо мною, написал несколько строк и отдал их посыльному. Когда дверь снова затворилась, он заботливо выбрал несколько цветков и сказал, предлагая их мне с прелестной грацией:

— Могу я вас спросить, понимаете ли вы теперь, в каком щекотливом положении я нахожусь между вами и вашим мужем?

Этот эпизод с букетом придал другое направление моим мыслям и помог мне несколько совладать собою. Теперь я была в состоянии доказать майору, что его рассудительное и любезное объяснение не пропало для меня даром.

— От души благодарю вас, майор, — сказала я. — Я убедилась, что не должна просить вас нарушить слово, данное моему мужу. Это обещание священно, и я должна уважать его. Я вполне это понимаю.

Майор вздохнул с облегчением и одобрительно потрепал меня по плечу.

— Отлично сказано! — прибавил он весело, в одну минуту превращаясь в прежнего любезника. — У вас особенный дар сразу понимать положение вещей. Вы мне напоминаете прелестную

леди Клоринду. У нее тоже необычайное соображение, и она отлично понимает мое положение. Я бы желал познакомиться вас с нею, — сказал майор, погружая свой длинный нос в букет леди Клоринды.

Мне нужно было достигнуть цели, и, как женщина настойчивая (о чем вы уже, вероятно, догадались), я не отступилась от своего намерения.

— Мне было бы очень приятно познакомиться с леди Клориндой, но...

— Я устрою маленький обед, втроем, — продолжал майор в порыве энтузиазма. — Вы, я и леди Клоринда. Вечером явится наша примадонна и споет нам. Не составить ли нам меню? Мой милый, дорогой друг, какой суп предпочитаете вы осенью?

— Но, — продолжала я, — чтобы возвратиться к нашему прежнему разговору...

Улыбка мгновенно исчезла с лица майора, и перо, готовое обессмертить мой любимый осенний суп, выпало у него из рук.

— Разве мы должны возвращаться к нему? — жалостно возразил он.

— Только на одну минуту, — попросила я.

— Вы напоминаете мне, — снова заговорил майор, — другую прелестную мою приятельницу, француженку, госпожу Мирлифлор. Вы, как я вижу, чрезвычайно настойчивы, госпожа Мирлифлор тоже. Она в настоящее время в Лондоне, не

пригласить ли нам ее на свой обед? — При этой мысли лицо майора просияло, и он снова взялся за перо. — Так скажите же мне, — продолжал он, — какой любите вы суп?

— Извините меня, — начала я, — но мы в то время говорили...

— О, моя дорогая! — вскричал майор. — Как, вы опять о том же?

— Да, о том.

Майор во второй раз опустил перо и с сожалением расстался с госпожою Мирлифлор и осенним супом.

— Итак, — продолжал он терпеливо и с покорной улыбкой, — вы говорили...

— Я говорила, — отвечала я, — что данное слово не позволяет вам открыть мне тайну, которую мой муж скрывает от меня. Но вы не давали ему обещания не отвечать мне, если я обращусь к вам с двумя-тремя вопросами.

Майор Фиц-Дэвид погрозил мне рукой и, устремив на меня пронизательный взор, сказал:

— Остановитесь! Мой дорогой друг, остановитесь! Я знаю, к чему приведут ваши вопросы и какой будет результат, если я начну отвечать вам на них. Когда ваш муж был у меня сегодня, он воспользовался случаем напомнить мне, что красивая женщина может из меня делать все что ей угодно. Он в этом совершенно прав. Я не

могу ни в чем отказать хорошенькой женщине, я таю в руках ее, как воск. Дорогая, прелестная леди, не злоупотребляйте своим влиянием! Не заставляйте старого солдата изменить честному слову!

Я старалась сказать что-нибудь в защиту своих побуждений. Он сложил руки с умоляющим видом и смотрел на меня с дивным простодушием.

— Зачем упорствовать? — спросил он. — Я не защищаюсь. Я агнец. Зачем приносить меня в жертву? Я признаю вашу власть, отдаюсь. Всеми несчастьями моей юности и зрелого возраста обязан я женщинам, и теперь, стоя одной ногой в гробу, я остаюсь тем же, чем был прежде, так же люблю женщин и готов быть ими обманут. Не унижительно ли это? А между тем это справедливо. Посмотрите на этот знак. — И, приподняв локон своего прекрасного парика, он показал мне ужасный шрам. — Это рана, считавшаяся в то время смертельной, нанесена мне пулей из пистолета. Не защищая свое отечество, получил я ее, нет, но на дуэли за оскорбленную женщину от руки ее разбойника-мужа. И она стоила того.

Он поцеловал кончики своих пальцев при воспоминании об умершей или отсутствующей женщине и указал на висевший на стене акварельный рисунок, представлявший прелестный сельский дом.

— Это прекрасное поместье некогда принадлежало мне, — продолжал он, — но оно давно уже продано. А куда ушли деньги? На женщин (Господи, помилуй их всех!), но я об этом не сожалею. Если б у меня было еще поместье, оно, без сомнения, пошло бы туда же. Прекрасный пол всегда играл мною, моей жизнью, моим временем, моими деньгами, и Бог с ним! Я сохранил для себя только одно — честь. А теперь и она в опасности. Да! Если вы станете задавать мне вопросы со свойственным вам искусством, мягким, нежным голосом, устремив на меня свои прелестные глазки, я знаю, что случится. Вы отнимете у меня единственное и лучшее мое достояние. Чем заслужил я, чтобы со мной поступали таким образом, мой прелестный друг? И поступали именно вы? Фи, фи!

Он остановился и устремил на меня, как и прежде, простодушный, умоляющий взор, слегка склонив голову на сторону. Я снова попыталась заговорить об интересовавшем меня предмете. Майор еще настоятельнее просил меня пощадить его.

— Спрашивайте меня о чем хотите, — говорил он, — только не принуждайте меня изменять другу. Избавьте меня от этого, и я все готов сделать для вашего удовольствия. Выслушайте, что я вам скажу, — продолжал он,

наклоняясь ко мне и принимая серьезный вид. — Я нахожу, что с вами поступили жестоко. Невозможно надеяться, чтобы женщина, поставленная в такое положение, согласилась оставаться на всю жизнь в неведении. Нет, нет! Если бы я в настоящий момент увидел, что вы близки к открытию тайны, которую Юстас так тщательно скрывает от вас, я вспомнил бы, что всякое обещание имеет свои границы. Моя честь не позволила бы мне помогать вам, но я не пошевелил бы пальцем, чтобы помешать вам открыть истину.

Наконец он заговорил чрезвычайно серьезно и сделал особенное ударение на последних словах. При этом я быстро вскочила с места. Это было невольное, непреодолимое движение. Майор Фиц-Дэвид пробудил во мне новую мысль.

— Теперь мы понимаем друг друга, — сказала я. — Я принимаю ваши условия, майор, и потребую от вас только то, что вы сами предложили мне.

— Что я вам предложил? — спросил он с тревогой.

— Ничего такого, в чем вы могли бы раскаиваться, — ответила я, — или что вам было бы трудно исполнить. Позвольте мне задать вам смелый вопрос? Предположим, этот дом мой, а не ваш.

— Считайте его своим, — вскричал любезный джентльмен, — от чердака до кухни!

— Премного вам благодарна, майор; с этой минуты я буду считать его своим. Вы знаете, — и кому же это не известно? — что главная из женских слабостей — любопытство. Предположим, что любопытство побуждает меня осмотреть все в моем новом доме.

— И что же?

— Предположим, что я пойду из комнаты в комнату и буду рассматривать каждую вещь, заглядывать в каждый угол. Как вы думаете, могла бы я?..

Умный майор уже предвидел, какого рода последует вопрос. Он последовал моему примеру и вскочил с места, когда в голове его промелькнула новая мысль.

— Могла бы я добраться таким образом до тайны моего мужа? Одно слово, майор, отвечайте только: да или нет.

— Успокойтесь, — вскричал майор.

— Да или нет? — повторила я, волнуясь более прежнего.

— Да, — ответил он после минутного размышления.

Я этого ожидала, но это было слишком неопределенно и не могло удовлетворить меня. Нужно было добиться от него (если возможно) еще некоторых подробностей.

— Это «да» означает, что я найду здесь ключ

к тайне? — спросила я. — Нечто такое, что можно видеть глазами, осязать руками?

Он снова задумался. Я видела, что я заинтересовала его, и терпеливо ждала его ответа.

— То, что вы называете ключом, — сказал он, — что вы можете видеть и осязать, вы найдете здесь.

— В этом доме?

Майор приблизился ко мне на несколько шагов и сказал:

— В этой самой комнате.

У меня голова пошла кругом, сердце учащенно билось. Я пыталась заговорить, но тщетно; я задыхалась. Пение наверху продолжалось; примадонна выводила свои трели, пробовала голос на отрывках из итальянской оперы. В ту минуту, когда я прислушалась к ее пению, она пела из «Сомнамбулы»: ³ «Come per me sereno». С тех пор я, как только услышу эту дивную мелодию, переносусь мысленно в роковой кабинет на Вивиен-плейс.

Майор Фиц-Дэвид, также сильно потрясенный, первый прервал молчание.

— Сядьте сначала в это кресло, — сказал

³ «Сомнабула» — опера итальянского композитора Винченцо Беллини (1801–1835).

он. — Вы слишком взволнованы, вам нужно отдохнуть.

Он был прав. Я едва держалась на ногах и тотчас же опустилась в кресло. Майор позвонил и сказал несколько слов слуге.

— Я здесь уже давно, — произнесла я слабым голосом. — Не мешаю ли вам, скажите откровенно.

— Мешаете? — повторил он с очаровательной улыбкой. — Вы забываете, что вы у себя дома!

Слуга возвратился с бутылкой шампанского и тарелкой воздушного печенья.

— Я держу это вино специально для дам, — объяснил он. — Бисквиты получаю из Парижа. Вы должны мне доставить удовольствие — попробовать их. А тогда, — он остановился, внимательно рассматривая меня, — тогда не нужно ли мне будет пойти наверх к примадонне и оставить вас одну?

Невозможно было деликатнее предупредить желание, с которым я только что собиралась обратиться к нему. Я взяла его руку и с признательностью крепко пожала ее.

— Спокойствие всей моей жизни зависит от успеха моего предприятия, — проговорила я. — Когда я останусь здесь одна, будьте так великодушны, позвольте мне осмотреть здесь каждую вещь.

Он знаком показал мне на шампанское и

бисквиты и сказал:

— Это дело серьезное. Я желаю, чтобы вы вполне владели собою. Подкрепите свои силы, и тогда я вам отвечу.

Я исполнила его пожелание. Через несколько минут после того, как я выпила вина, я почувствовала, что оживаю.

— Вы непременно хотите, чтобы я оставил вас здесь одну и предоставил вам возможность обыскать комнату?

— Это мое неперемнное желание, — ответила я.

— Я беру на себя тяжелую ответственность, исполняя ваше желание. Но я исполняю его потому, что полагаю, как и вы, что счастье вашей жизни зависит от открытия истины. — При этих словах он вынул из кармана два ключа. — Вы будете подозрительно относиться, и совершенно естественно, ко всем замкам. Здесь, в комнате, заперты только шкафчики под книжными полками и итальянские шифоньерки, которые стоят по углам. Маленький ключ — от шкафчиков, а большой — от шифоньерок.

После этого он положил ключи передо мною на стол.

— Таким образом, я не нарушаю слова, данного мною вашему мужу, и остаюсь верен своему обещанию, каков бы ни был результат

ваших поисков в этой комнате. По чести сказать, я не могу помогать вам ни словом, ни делом. Я даже не имею права сделать вам никакого намека. Понимаете вы это?

— Конечно.

— Очень хорошо. Теперь я должен в последний раз предостеречь вас, а потом я умываю руки. Если вам удастся найти желаемый вами ключ, помните, что открытие будет для вас ужасным ударом. Если вы не уверены в своих силах, не уверены, что выдержите страшный удар, который разразится над вами, то, ради Бога, откажитесь от своего намерения, и откажитесь навсегда.

— Благодарю вас за предостережение, майор, но я должна стать лицом к лицу с истиной, какие бы ни произошли от того последствия.

— Вы твердо решились?

— Да.

— Хорошо. Оставайтесь здесь сколько вам угодно. Дом и все, в нем находящееся, к вашим услугам. Позвоните один раз, если вам понадобится слуга, два раза, если нужна будет служанка. Время от времени я буду заглядывать сюда, чтобы справиться, как идут дела. Я считаю себя ответственным за ваше спокойствие и безопасность, пока вы находитесь под моей кровлей.

Он поднес мою руку к своим губам и еще раз пристально посмотрел на меня.

— Надеюсь, я не слишком рискую, — сказал он как бы про себя. — Женщины, бывало, подстрекали меня на весьма опрометчивые поступки. Но вы, кажется, побудили меня на самый отчаянный из всех поступков!

Сказав эти последние знаменательные слова, он важно поклонился и оставил меня.

Глава X. ПОИСКИ

Погода была холодная, зимняя; огонь в камине горел не очень ярко; в комнате было не очень тепло. Однако мне сделалось жарко и душно, по всей вероятности, от нервного волнения, когда майор Фиц-Дэвид оставил меня одну. Я сняла шляпку, накидку, перчатки и открыла окно, выходящее на вымощенный плитами двор, в конце которого находились конюшни. Постояв несколько минут у окна, я освежилась, закрыла его и пустилась на поиски, то есть принялась старательно осматривать комнату и все находившиеся в ней предметы.

Я сама удивлялась своему спокойствию. Мое свидание с майором, может быть, лишило меня способности сильно переживать, по крайней мере на некоторое время. Я была очень довольна, что осталась одна и могла начать поиски. Только это чувство испытывала я в настоящую минуту.

Комната была продолговатая, в глубине была дверь, как я уже упоминала, выходящая в прихожую. Противоположная стена была вся занята окном, выходящим во двор.

По обе стороны дверей были поставлены карточные столы, над которыми на золоченых резных подставках красовались великолепные китайские вазы.

Я раскрыла столы, но не обнаружила в них ничего, кроме карт, простых счетов и марок. За исключением одной колоды, все карты были в запечатанных обертках, как будто только что принесенные из лавочки. Я рассмотрела всю распечатанную колоду, карту за картой, но не нашла на них никаких знаков, никакой надписи. С помощью библиотечной лестницы, стоявшей подле книжного шкафа, я заглянула в обе китайские вазы. Они были совершенно пусты. Что оставалось мне еще осмотреть в этой части комнаты? По углам стояли два стула с инкрустацией и шелковыми красными подушками. Я перевернула их и заглянула под подушки, но и здесь не нашла ничего особенного. Когда я поставила стулья на место, все предметы, находившиеся вдоль этой стены, были уже мною обследованы, но я не обнаружила ничего.

Я направилась к противоположной стене, к той, где было окно.

Окно (как я уже говорила, оно занимало почти

всю стену в ширину и в высоту) состояло из трех частей, и по обеим сторонам его спускались тяжелыми складками великолепные красные бархатные занавеси. По углам стояли старинные булевские шифоньерки, в которых было по несколько выдвижных ящиков, а наверху бронзовые статуэтки; на одной — Венеры Милосской, на другой — Венеры Медицейской.

Майор Фиц-Дэвид позволил мне распоряжаться всем как мне угодно. Я выдвинула все ящики шифоньерок и без малейшей нерешительности рассмотрела все, что в них находилось.

Начав с шифоньерки, стоявшей в правом углу, я довольно скоро окончила свои поиски. Все ящики были наполнены коллекцией ископаемых, которые, судя по странным надписям, были собраны самим майором в тот период его жизни, когда он занимался, не совсем успешно только, минералогией. Убедившись, что в них ничего нет, кроме ископаемых и карточек с надписями, я обратилась к левой шифоньерке.

Здесь предстало моему взору большое разнообразие предметов, и осмотр их занял у меня значительно больше времени.

В верхнем ящике была целая коллекция миниатюрных столярных инструментов, вероятно, сохранившихся с того времени, когда майор был

еще мальчиком и получил их в подарок от своих родителей или друзей. Второй ящик был наполнен игрушками другого рода, как видно, тоже подарками, только полученными от прекрасного пола. Тут были вышитые подтяжки, щегольские ермолки, подушечки для булавок, роскошные туфли, блестящие кошельки. Вещи, находившиеся в третьем ящике, были менее интересны: это были старые счетные книги за много лет. Заглянув в каждую книгу и старательно встряхнув их, чтобы выпали все бумажки, которые могли там находиться, я перешла к четвертому ящику, где нашла разные денежные бумаги, уплаченные счета, связанные в пачки и с надписями. Между ними встречались также отдельные листы, не имеющие для меня никакого значения. В пятом ящике нашла я страшный беспорядок. Прежде всего я вынула целую кучу разрисованных карточек, на каждой из них было меню обедов, на которых присутствовал майор в Лондоне и Париже, потом ящик великолепно раскрашенных гусиных перьев (вероятно, дамский подарок), собрание театральных французских пьес и либретто, карманный штопор, связку ключей, багажные ярлыки, паспорт, сломанную серебряную табакерку, два портсигара и изорванный план Рима. «Нигде ничего для меня интересного», — подумала я, закрывая пятый и выдвигая последний шестой ящик.

Велико было мое разочарование, ожидания совершенно обмануты. Здесь находились только обломки разбитой вазы.

Я сидела в это время напротив шифоньерки на низеньком стуле и в гневе на безуспешные поиски хотела толкнуть ящик ногой, как дверь, в переднюю отворилась и на пороге появился майор Фиц-Дэвид.

Встретившись со мной взором, он опустил глаза и, увидев выдвинутый ящик, вдруг изменился в лице. Это было моментально, и вслед за тем взглянул на меня с удивлением и подозрением, как будто увидел в моих руках какую-то руководящую нить.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — сказал он, — я пришел только задать вам один вопрос.

— Что вы хотите знать, майор?

— Не попались ли вам некоторые из моих писем во время ваших поисков?

— Нет еще, — ответила я. — Если мне попадутся какие-нибудь письма, я, конечно, не буду читать их.

— Я пришел сюда с намерением поговорить с вами об этом, — скавал он. — Мне только что пришла в голову мысль, что мои письма могут поставить вас в неловкое положение. На вашем месте я относился бы подозрительно ко всему, что для вас недоступно. Но я могу, кажется, устранить от вас эту неприятность и, не нарушая слова или

моего обещания, могу просто сказать вам, что в этих письмах моих вы не найдете никакой подсказки к открытию тайны. Вы можете спокойно оставить их как предметы, недостойные вашего внимания. Вы меня поняли, я полагаю.

— Премного вам обязана, майор, я поняла вас.

— Не устали ли вы?

— Нисколько, благодарю вас.

— И вы все еще надеетесь на успех в своем предприятии? Вы еще не начали отчаиваться?

— Я нисколько не отчаиваюсь и с вашего позволения буду немедленно продолжать поиски.

Во время нашего разговора я не закрыла ящика шифоньерки; отвечая ему, мой взор случайно упал на обломки разбитой вазы. В эту минуту он совершенно владел собою и смотрел на вазу, по-видимому, с полнейшим равнодушием, но я вспомнила удивление и подозрение, выразившееся в его взоре при входе в комнату, и его хладнокровие показалось притворным.

— Это, однако, не обещает ничего, — сказал он, улыбаясь и указывая на обломки, лежавшие в ящике.

— Наружность бывает иногда обманчива, — возразила я. — В моем положении все кажется подозрительным, даже разбитая ваза.

Я пристально смотрела на него, пока говорила. Он тотчас же переменил разговор.

— Музыка вас беспокоит? — спросил он.

— Нисколько.

— Впрочем, она скоро кончится. Учитель пения уйдет, и вслед за ним явится учитель итальянского языка. Я ничего не жалею для образования моей примадонны. Занимаясь пением, она должна также изучить специальный язык музыки. Я усовершенствую ее произношение, когда повезу ее в Италию. Мой план заключается в том, чтобы ее приняли за итальянку, когда она появится на сцене. Не нужно ли вам что-нибудь? Не прислать ли вам шампанского?

— Премного вам благодарна, майор, я не желаю более шампанского.

Направляясь к двери, он послал мне рукою поцелуй. В этот самый момент я заметила, как взор его упал на шкаф с книгами.

Оставшись одна, я стала уделять шкафу больше внимания, чем прежде. Это был прекрасный старинный шкаф из резного дуба; стоял он у стены, параллельной с прихожей, и занимал ее от окна до двери в зал. На нем были расставлены попарно и в ряд вазы, канделябры и статуэтки.

Внимательно посмотрев на них, я заметила пустое место на углу, ближайшем к окну. На противоположном конце, к двери, стояла прекрасная ваза оригинального рисунка. Где же была ее пара, занимавшая, как видно, место на

другом углу? Я вернулась к шифоньерке и заглянула в нижний ящик. Не было никакого сомнения: обломки принадлежали парной вазе.

Сделав это открытие, я вынула все обломки и с величайшим вниманием рассмотрела каждый в отдельности.

Не имея никакого понятия об искусстве, я не могла оценить этой вазы и даже признать, принадлежит она к старинным произведениям или новейшим, английской она или иностранной работы. Фон был нежно-молочного цвета; на двух сторонах вазы было по медальону окруженному цветами и купидонами. На одном из них была изображена головка женщины, нимфы, богини или, может быть, портрет какой-нибудь знаменитости; я в этом была совсем не сведуща и не могла определить личности. На другом — голова мужчины, также в классическом стиле. На пьедестале были изображены пастухи и пастушки, во вкусе Ватто,⁴ с собаками и овцами. Такова была эта ваза в то время, когда стояла еще на книжном шкафу. По какому случаю она разбилась? И почему майор изменился в лице, увидев, что я нашла эти обломки?

⁴ Ватто Антуан (1684–1721) — французский живописец и график.

Вид их возбудил во мне эти вопросы, но нисколько не разрешал их. Припоминая выражение лица майора, я убедилась, что эта ваза, прямо или косвенно, должна дать мне ключ к открытию тайны.

Но сколько я ни задумывалась над этим вопросом, это не приводило меня ни к чему, и я снова вернулась к книжному шкафу.

До сих пор я полагала без всякой видимой причины, что ключ к разыскиваемой мною тайне найду я в какой-нибудь бумаге, письменном документе; но после ухода майора, уловив его знаменательный взгляд, я начала думать, что разгадка находится в какой-нибудь книге.

Я стала смотреть на нижнюю полку и, стоя довольно близко, могла прочесть заголовки на корешках переплетов. Я увидела Вольтера в красном сафьяне, Шекспира — в голубом, Вальтера Скотта — в зеленом, Историю Англии — в коричневом, Ежегодники — в желтом. Я остановилась утомленная и в унынии перед длинным рядом томов. Как (думалось мне) буду я рассматривать эти книги? И какого результата могу я ожидать от этого?

Майор Фиц-Дэвид говорил о страшном несчастье, омрачившем прошлую жизнь моего мужа. Какая возможность найти намек или след этого несчастья на страницах Ежегодника или

Вольтера? Подобная мысль казалась нелепостью, и попытка серьезных поисков была бы лишь пустой тратой времени.

Вероятно, майор совершенно случайно взглянул на книжный шкаф. Разбитая ваза тоже стояла на книжном шкафу. Могли ли эти два обстоятельства служить доказательством того, что книжный шкаф и ваза приведут меня к открытию тайны. Трудно было решить эти вопросы, особенно в настоящую минуту.

Я стала смотреть на верхние полки. Расставленные здесь книги представляли больше разнообразия; книги были меньшего формата и расставлены не в таком порядке, как на нижней полке. Некоторые, выпав из ряда, лежали тут же на полках. Там и сям были пустые промежутки, книги были вынуты и не поставлены обратно. Вообще, на верхних полках не было того однообразия, которое приводило меня в отчаяние на нижней. Беспорядок этот, казалось, мог по какой-нибудь счастливой случайности привести меня к успеху. Я решила осмотреть весь шкаф, начиная с верхних полок.

Где стоит библиотечная лестница? Я оставила ее у противоположной стены, отделявшей эту комнату от зала. Взглянув в ту сторону, я увидела, что дверь полуотворена, и вспомнила, как майор Фиц-Дэвид расспрашивал своего слугу о моей внешности, когда тот докладывал ему о моем

посещении. Никто не входил в эту дверь с тех пор, как я находилась в комнате. Входили и выходили через дверь, ведущую в зал.

В ту минуту, когда я обратила глаза к двери, что-то зашевелилось в соседней комнате. Через узкое отверстие показался свет. Неужели кто-нибудь наблюдал за мной? Я тихонько подошла к двери, быстро растворила ее и очутилась лицом к лицу с майором. Я увидела по его лицу, что он наблюдал за моими поисками в шкафу.

В руках он держал шляпу, словно собирался выйти на улицу. Он тотчас же воспользовался этим обстоятельством, чтобы объяснить свое присутствие у двери.

— Уж не испугал ли я вас? — спросил он.

— Да, немного.

— Мне очень неприятно и совестно. Я только хотел отворить дверь, чтобы сообщить вам, что я ухожу. Я получил записку от одной дамы, прелестной особы, с которой желал бы познакомиться вас. Она в такой тревоге, бедняжка. У нее есть маленькие долги, и неблагородные торговцы требуют денег, а муж ее... О Боже мой, муж вовсе ее не стоит! А она прелестное создание! Вы немножко напоминаете мне ее, так же держите голову, как она. Я схожу не более чем на полчаса. Не могу ли чем служить вам? У вас такой утомленный вид. Пожалуйста, позвольте мне

прислать вам шампанского? Не угодно? В таком случае обещайте мне, что вы потребуете, когда что-нибудь вам понадобится. До свидания, мой прелестный друг, до свидания!

Как только он вышел, я затворила дверь и опустилась на стул, чтобы несколько успокоиться.

Он наблюдал за моими поисками в книжном шкафу! Он, друг моего мужа, человек, знающий, где можно найти ключ к открытию тайны, наблюдал за мной! Нет больше сомнения, ключ к тайне должен быть здесь. Майор Фиц-Дэвид указал мне место, в котором он хранится.

Я с равнодушием посмотрела на все вещи, находившиеся у четвертой стены, мною еще не осмотренной. Без малейшего любопытства окинула глазами маленькие изящные безделушки на столах и на камине, которые при других обстоятельствах возбудили бы во мне немалые подозрения. Даже акварельные рисунки не заинтересовали меня при настоящем расположении духа. Я только подумала, что это, может быть, портреты мимолетных богинь чувственного майора, и больше не обращала на них внимания. В этой комнате интересовал только книжный шкаф, а в этом я была теперь убеждена. Я встала и взяла лестницу, твердо решив начать свои поиски с верхней полки.

Направляясь к лестнице, я прошла мимо стола, на котором майор Фиц-Дэвид оставил к моим

услугам свои ключи.

Самый маленький из двух ключей напомнил мне о шкафчиках под книжными полками. Странно, что я совсем забыла о них. Смутное недоверие, безотчетное подозрение возникло в моей душе при виде запертых дверок. Я оставила лестницу на ее прежнем месте и принялась изучать шкафчики.

Их было три. Когда я открыла первый, пение наверху смолкло. В продолжение нескольких минут в наступившей тишине было что-то тяжелое, подавляющее. Вероятно, мои нервы были до предела напряжены. Первый шум, раздававшийся в доме, — а это был скрип мужских сапог на лестнице, — заставил меня вздрогнуть. Мужчина, спускавшийся с лестницы, был, без сомнения, учитель пения, окончивший свой урок. Я слышала, как дверь захлопнулась за ним, и при этом столь обыкновенном звуке я содрогнулась, точно услышав что-то ужасное. Наступила снова тишина. Я несколько успокоилась и начала осмотр с первого шкафчика.

В нем было два отделения. В верхнем не было ничего, кроме ящиков с сигарами, аккуратно расставленных рядами; второе было занято коллекцией раковин, валявшихся в беспорядке. Майор, как видно, гораздо больше дорожил своими сигарами, чем раковинами. Я старательно осмотрела это отделение, полагая, что здесь может

встретиться что-нибудь для меня интересное, но в нем не оказалось ничего, кроме раковин.

Когда я открыла второй шкафчик, то мне показалось, что стемнело.

Я посмотрела в окно. До вечера еще было далеко, но потемнело от туч, заволакивающих небо. Крупные капли дождя стучали в окно, и осенний ветер свистел во дворе. Я поправила огонь в камине, прежде чем снова принялась за дело. Мои нервы совсем расходились, я вся дрожала, когда возвратилась к шкафчику. Мои руки тряслись, я не понимала, что со мной творится.

Во втором шкафчике, в верхнем отделении, я увидела прелестные камни, еще не отделанные, разложенные на подносах, обложенных ватой. В одном углу из-под них выглядывали небольшие рукописи, вероятно каталог камней, и больше ничего!

Открыв нижнее отделение, я нашла в нем более драгоценные редкости: разные изделия из слоновой кости и образцы редких китайских шелков. Меня начинали утомлять все сокровища майора. Чем дальше я искала, тем дальше, казалось, отдалялась от предмета моих стремлений. Затворив дверку второго шкафчика, я остановилась в недоумении, открывать ли мне третий и продолжать ли в нем поиски.

После краткого размышления я решила, что,